

всепишная история в романах

Эрнст ПИТАВАЛЬ

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Всемирная история в романах

Эрнест Питаваль
Королева Елизавета

«ВЕЧЕ»

1865

УДК 821.112.2-311.6
ББК 84(2)

Питаваль Э.

Королева Елизавета / Э. Питаваль — «ВЕЧЕ»,
1865 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-6013-5

Середина XVI века. Молодая королева Елизавета блистает на английском троне. Однако королева – в то же время женщина. Политическую борьбу она ведет не только в интересах государства, но и ради сведения личных счетов с соперницей, шотландской королевой Марией Стюарт. Вот почему политические уловки, которыми пользуется Елизавета, чисто женские. Она подсылает к Марии своего поклонника, чтобы через него обрести влияние на Марию, а заодно проверить этого поклонника на верность английской короне. Этот роман классика исторической прозы Эрнста Питавалья является продолжением цикла о Марии Стюарт и Елизавете Тюдор. Предыдущие две книги цикла ранее опубликованы в этой же серии.

УДК 821.112.2-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-6013-5

© Питаваль Э., 1865

© ВЕЧЕ, 1865

Содержание

Об авторе	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эрнст Питарваль Королева Елизавета

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Об авторе

Эжен Герман фон Деденрот, более известный под своим писательским псевдонимом – Эрнст Питаваль, родился 5 марта 1829 года в немецком городе Саарлуисе, который теперь называется Зарлаутерн. Будущий автор многочисленных исторических и криминальных романов сначала не помышлял о писательской карьере. Он был сыном военного и должен был пойти по родительским стопам.

Из-за частых переездов отца мальчик сменил множество школ, получая образование то в Познани, то в Гданьске, то в Берлине.

В 1847 году по примеру отца начал военную карьеру и записался в армию, во 2-й гвардейский гренадерский полк Императора Франца. Шефом полка был Франц Иосиф I – австрийский император, глава двуединого государства – Австро-Венгерской монархии.

В 1848 году полк участвовал в войне против Дании. Боевые действия шли в земле Шлезвиг-Гольштейн, граничащей с Данией с севера. В ходе войны будущий писатель хорошо проявил себя и в результате был произведен в офицеры. Однако война закончилась, началась скучная мирная жизнь в гарнизоне, и именно тогда Эжен Герман фон Деденрот дал волю своим литературным наклонностям.

В 1855 году опубликовал в периодической печати стихотворение. В 1858 году написал роман об Александре фон Гумбольдте – немецком естествоиспытателе, географе и путешественнике, одном из основателей географии как самостоятельной науки.

Несмотря на то что тема романа казалась совершенно нейтральной, публикация вызвала скандал, и лейтенант Деденрот был вынужден подать в отставку.

С этого времени и начинается бурная литературная деятельность автора. Под псевдонимами Эжен Герман и Эрнст Питаваль он начинает публиковать многочисленные рассказы, романы, исторические и криминальные, которые пользовались большим успехом.

Несмотря на увольнение из армии, автор числился капитаном милиции (резервистом), поэтому спустя десять лет был снова призван на военную службу и участвовал в Австро-пруско-итальянской войне, которая длилась с июня по июль 1866 года. Командовал милицией в битве с прусскими войсками при Кёниггреце в Богемии (город Градец-Кралове в Чехии). Годом позже окончательно ушел в отставку из-за существенных проблем со зрением.

Автор поселился недалеко от Берлина в городе Шарлоттенбурге и, несмотря на состояние здоровья, продолжал заниматься литературным творчеством. В 1873 году переехал в городок под названием Кётцшенброда, расположенный в 15 километрах от Дрездена. Сейчас этот город объединили с городом Радебойль.

До конца жизни автор проживал по адресу Майсснерштрассе, 222. Скончался 16 октября 1887 года, похоронен на местном кладбище.

Слово «питаваль» в XIX веке было наименованием литературы определенной направленности, примерно как «вальтер-скоттовский» или «жюль-верновский», однако сейчас этот автор незаслуженно забыт.

Избранная библиография автора – цикл «Красная королева»

Дилогия «В борьбе за трон»:

Роман «Мария и Елизавета»

Роман «Схватка за трон»

Дилогия «Дворцовые страсти»:

Роман «Королева Елизавета»

Роман «Шотландская роза»

Роман «Путь на эшафот»

Глава первая Граф Лейстер

I

Самой блестящей эпохой Англии по справедливости считают правление Елизаветы, когда влияния Реформации и языческого Ренессанса вызвали к жизни новые могучие, неведомые дотоле силы, когда Англия одержала победу над предрассудками католической религии и уничтожила великую армаду Филиппа II, когда страна, вступив на новый путь, подарила миру такого поэта, как Шекспир, и такого философа, как Бэкон.

Дочь трагически погибшей Анны Болейн вписала свое имя в страницы истории кровавыми и золотыми буквами. Елизавете было двадцать пять лет, когда корона украсила ее золотисто-белокурые волосы; ее высокая фигура отличалась грацией и величественностью; на красивом, хотя и не отличавшемся правильными чертами, лице несколько южного типа сверкали большие темно-синие глаза, в которых светились ласковость и проницательная острота ума – когда она с гордостью смотрела с высоты трона, и пламенела дикая страсть – когда задевали ее женское тщеславие. Это тщеславие было большой слабостью Елизаветы, она не прощала ни малейшей обиды, нанесенной ей как женщине, а каждая лесть, касавшаяся ее внешнего вида, встречала благосклонный прием.

Елизавета была целомудренна до кончиков ногтей. Ее высшей гордостью было слыть и быть девственной королевой. Она отказывала всем женихам, но никогда не оставалась без поклонников, с которыми ее чувственность вела кокетливую игру, возбуждающую в них всяческие вожделения и никогда не удовлетворяющую их. Было ли это следствием физического недостатка или болезни – неизвестно, но Елизавета в часы интимных бесед со своими фаворитами или льстецами выглядела самой разнузданной и чувственной женщиной, хотя ее нельзя было обвинить в фактическом падении.

Наряду с чувственностью она унаследовала от отца также высокомерие и вспыльчивость. Но именно эти черты характера, вместе с ее образованностью и возвышенностью ума, послужили для создания фундамента мирового могущества Англии. Елизавета выбрала министрами самых умных и проницательных людей того времени – Уильяма Сесила и Николаса Бэкона, прекратила судебные преследования еретиков, освободила всех заключенных, посаженных в тюрьмы за религиозные убеждения, и снова восстановила англиканскую церковь, не возобновив преследований католиков. Во всех мероприятиях она руководствовалась желанием сделать Англию великой и счастливой, и только одна всеобъемлющая ненависть переполняла ее душу – это ревнивая ненависть к женщине, более красивой, чем она сама, ее законной наследнице, бывшей и королевой, и ее соперницей на том же острове, – к Марии Стюарт.

II

Королева Елизавета сидела в своем кабинете. Уильям Сесил, барон Бэрлей, только что кончил свой доклад, когда Елизавета, случайно глянув в окно, засмотрелась на сцену, которая там происходила. Молодой, в высшей степени элегантно одетый кавалер пытался смирить пылкого коня, напугавшегося драбантов, охранявших ворота у въезда в парк. Казалось, что молодой человек неминуемо должен вылететь из седла и разбить себе голову о мозаичный пол, но всадник словно сросся с лошадью и, как будто играя, управлял поводьями.

– Этот молодой человек, – улыбнулась Елизавета, – кажется, хочет сделать карьеру. И ему посчастливилось, так как мы заметили его в удачный момент. Сесил, знаете ли вы этого молодого человека?

– Ваше величество, – ответил Бэрлей, – от проницательности вашего взора никогда ничто не скроется! Этот молодой человек добивается чести быть представленным вам и теперь дрессирует лошадь перед дворцом в очевидной надежде быть замеченным прекраснейшими в мире глазами. Это Роберт Дэдлей, сын несчастного Гилфорда Варвика...

– Знаю, – перебила его Елизавета, и тень набежала на ее лицо при воспоминании о кровавом дне, когда в Тауэре упал топор палача на голову Гилфорда Варвика и его жены Джэн Грей, а она, Елизавета, была узницей своей сестры. – Сэр Роберт Дэдлей... Я хорошо помню его; это смелый мальчик, участвовавший в винчестерском турнире. Как это могло случиться, что он так долго не появлялся при дворе?

– Он всего несколько дней назад вернулся из Франции, куда уехал в те дни...

Елизавета погрузилась в воспоминания и почти не слышала ответа: гремели винчестерские трубы, мальчик Дэдлей облачился в ее цвета и безумной храбростью отомстил за издевательства сестер.

– Ваше величество, – шепнул Бэрлей, которому этот момент показался благоприятным, чтобы замолвить словечко за своего фаворита. – Родовые имения Варвиков попали в другие руки, но графство Лейстер свободно, может, отдать его сэру Дэдлею в вознаграждение за прошлые испытания?..

– Конечно, Сесил, конечно! Я не могу сделать ничего более достойного, как вознаградить тех, кто пострадал за меня. Посмотрите-ка, вот что мне принесли вчера. Эту записку написала моя няня коменданту замка, когда мне было четыре года. Отец в то время ненавидел меня, так как я напоминала ему о смерти матери. Этот листочек для меня реликвия; он постоянно будет напоминать мне, чтобы я не забывала восхвалять Господа за то, что он вывел меня из самой жестокой нищеты к пышнейшему трону земли. Прочтите это, лорд Сесил.

Бэрлей прочел и тоже почувствовал себя взволнованным.

«Почтительнейше прошу Вас, – прочел Бэрлей в записке, – всемилостивейше снизойти к нуждам моей крошки, так как у нее нет ни платья, ни кофты, ни шубы, ни белья, ни рубашек, ни платков, ни одеяла, ни матраса, ни муфты, ни шапочки».

– Вот как была я бедна и тоща! И как я теперь богата! Сесил, пошлите мне этого молодого человека!

Бэрлей глубоко поклонился и вышел из комнаты.

Елизавета подошла к окну, разглядывая смелого всадника.

«Как он красив!.. – думала она. – Знает ли он, что я смотрю на него? В то время, когда он носил мои цвета, он был еще ребенком, но и тогда он умел ухаживать за дамой, как взрослый. Варвики горды, отважны и верны в любви. Теперь мальчик возмужал в ссылке... Однако ведь это он, кажется, освободил Стюарт и был потом сослан? Он действовал с большой отвагой для своего возраста! Значит, он знаком со Стюарт? От него я узнаю, не потускнели ли черты ее лица от горя после смерти супруга».

Бэрлей вернулся доложить о Дэдлее и вышел по знаку королевы. В ту же минуту в дверях появился Дэдлей.

– А, сэр Дэдлей! – воскликнула Елизавета. – Вы упражняетесь под моими окнами в верховой езде, чтобы напомнить мне, что я все еще в долгу перед своим рыцарем винчестерского турнира? С годами вы не стали застенчивее! Но мне нравится откровенное почитание, если за ним чувствуется смелое сердце. Хотите поступить ко мне на службу?

Дэдлей был словно опьянен столь милостивым приемом, превзошедшим самые смелые ожидания. Тщеславие сердца говорило ему, что в данном случае дело не в благодарности королевы, а в благоволении женщины. Он посмотрел на Елизавету взглядом, которым неоднократно

вызывал краску стыда на прекрасных щеках. Никогда еще в жизни он не ставил так много на карту, как в этот момент, когда взглядом словно старался раздеть королеву. И увидел, как под огненными локонами запылали щеки Елизаветы, как в блеске ее глаз засветилась страсть – этот первый привет любви.

– Ваше величество, – ответил Дэдлей, опустив глаза, – я не могу поступить к вам на службу!

Елизавета ожидала чего угодно, только не такого ответа, звучавшего почти оскорблением. Ведь он сам изо всех сил старался обратить на себя ее внимание, и она милостиво пошла навстречу его домогательствам. И вдруг этот молодой человек отказывается от милостей королевы? Она почувствовала легкое раздражение против Дэдлея, и вместе с тем в ее душе зародилось женское подозрение.

«Ведь Дэдлей освободил Марию Стюарт, состоял на ее службе... быть может, он был одним из поклонников шотландской розы... Да, да, – кричал в ней внутренний голос, – очень возможно, что Мария просто прислала его интриговать здесь против Джеймса Стюарта. Нет, я не потерплю при своем дворе шпионов шотландской королевы!...»

Елизавета встала, заходила взад и вперед по комнате, от внутреннего волнения ее щеки пылали все сильнее. Мария Стюарт была не только законной наследницей ее трона, но даже больше: если бы зашел вопрос о правах, то Мария уже теперь могла бы справедливо предъявить притязания на английскую корону. Дэдлей принадлежал к роду Варвиков, которых испокон веку называли «делателями королей». Может ли она потерпеть, чтобы Стюарты уже теперь начали образовывать в Англии партию, которая призовет их на трон, как только ей надоест королева Елизавета?

– Милорд! – сказала Елизавета гордым, строгим тоном, – я предложила вам вступить ко мне на службу потому, что когда-то видела в вас преданность дочери Генриха Восьмого, но не потому, что ожидала чего-нибудь особенного от человека, изучавшего честолюбивую политику Медичи при дворе королевы, бывшей игрушкой в руках всех партий. Поэтому с удовольствием беру назад свое предложение и можете не надеяться, что имения, отобранные у вашего рода декретом об изгнании, я верну обратно тому, кто собирается искать себе в Англии иного господина, кроме Елизаветы Тюдор.

Дэдлей понял, что достиг цели, а потому может дерзнуть еще больше.

– Ваше величество! – ответил он, преклонив колена. – Даже ваша немилость не может заставить меня изменить своему решению. Но прошу сказать мне, какой клеветник осмелился внушить моей всемилостивейшей монархине сомнение в моей верности и преданности? Если на земле существует такая держава, которая покушается на права вашего величества, тогда прошу поставить меня во главе вашего войска и послать туда, где прольется первая кровь.

– Как? Так вы хотите служить в войске и только отвергаете пост при дворе? Встаньте, сэр Дэдлей!.. Уж не надеялись ли вы, что я назначу вас лордом-канцлером? Встаньте, сэр, – нетерпеливо продолжала она, – и объяснитесь пояснее.

Дэдлей не вставал.

– Ваше величество, – сказал он, – если вы хотите знать причину моего отказа, то позвольте мне оставаться на коленях. Это – та поза, которая приличествует моей вине. Я должен сознаться в государственном преступлении.

– Так вот оно что! Я так и знала!.. – встревожилась королева, и в ее душе зародилось новое подозрение.

– Вы знали? – переспросил Дэдлей и посмотрел на Елизавету таким сияющим, таким полным смелой надежды взглядом, что королева смутилась. – О, что я говорю?.. Вы не можете, вы не должны даже догадываться, что заносчивый юноша, бывший когда-то на службе у дочери своего короля и видевший только идеал всего прекрасного, унес ее образ с собой в изгнание и ныне с дрожью в сердце увидел на троне женщину, которую когда-то боготворил. Ваше вели-

чество! Теперь вы знаете, что Дэдлей Варвик – государственный преступник, я не могу поступить к вам на службу, потому что безумие любви довело бы меня до сумасшествия от пытки находиться всегда с вами в такой непосредственной и такой далекой близости к вам... Я боюсь постоянно видеть в вас идеал своих грез, а не королеву, боюсь ваших милостей, а не боюсь гнева. Пошлите меня в Тауэр, прикажите обезглавить меня, дерзкого, – и все равно я буду благословлять вас.

Елизавета покраснела; как ни мало была она приготовлена выслушивать подобные признания, смутившие ее на первых порах, но она сумела овладеть собой настолько, чтобы угадать в этом глубоком самоуничижении Дэдлея тонкий расчет.

– Браво, сэр Дэдлей! – усмехнулась она, тем не менее польщенная его лестью. – Вы прошли во Франции хорошую школу и хотите поймать королеву любовным признанием. Быть может, вы остаетесь на коленях потому, что хотели бы сидеть рядом со мной на троне!.. Итак, вы боитесь, что солнце нашего образа светит слишком ярко для вашего взора? Ну что же, я приговариваю вас смотреть на него до тех пор, пока вы не привыкнете к нему и не научитесь видеть в нем только королевский блеск.

Дэдлей, поцеловав край ее платья, встал.

– Ваше величество слишком справедливы, чтобы требовать невозможного. Вместе с тем, если вы не отослали меня сейчас же в Тауэр, значит, чувствуете ко мне сожаление...

– Дэдлей, вы заходите слишком далеко! – прервала его королева, взволнованная ласкающим, вкрадчивым тоном, который проникал ей в самое сердце. – Елизавета Тюдор не забыла, что прежде вы носили ее цвета, причем в то время, когда на это решались очень немногие. Но все-таки попридержите свой язык!.. Королева не всегда расположена погружаться в воспоминания прошлого. Служите мне преданно и верно, и тогда вы приобретете возможность стать к Елизавете Тюдор настолько близко, насколько это доступно высшим чинам королевства. Теперь ступайте!

Елизавета повелительно кивнула, и Дэдлей почувствовал, что теперь он серьезно рискует навлечь на себя гнев государыни, если немедленно не повинуется ее приказанию. Он глубоко склонился перед королевой и вышел из комнаты.

Елизавета мечтательно посмотрела ему вслед; это послушание удовлетворило ее гордость, и ее сердце всецело отдалось сладким ощущениям, в которые женщина погружается так охотно, когда нападает на достойный ее любви объект.

Наконец она позвонила и приказала позвать лорда Бэрлея.

– Милорд, – начала она, когда тот вошел, – вы говорили о том, что лорд Джеймс Стюарт просит избрать для Марии Стюарт супруга, который мог бы быть защитником протестантской церкви и направлять эту молодую, экспансивную особу. Ее супруг должен быть предан нам и ни в коем случае не должен стать, благодаря поддержке иностранных держав, опасным соперником нашего могущества. Он должен быть католиком, так как иначе Мария Стюарт не примет его предложения. Что бы вы сказали, если бы мы избрали для этого того самого смелого наездника, за которого вы только что ходатайствовали?

– Сэра Дэдлея? Ваше величество, у него очень симпатичная наружность, но если бы он показался шотландской королеве хоть сколько-нибудь достойным внимания и если бы он сам рассчитывал быть замеченным ею, то он либо сам последовал бы за ней из Франции, либо ему было бы предложено поступить к ней на службу.

– Милорд, если я сделаю сэра Дэдлея графом Лейстером – вы ведь говорили, что это графство свободно, – тогда он станет достаточно богатым и могущественным, чтобы иметь преимущество над любым шотландским лордом. Что же касается самой шотландской королевы, то она должна будет подчиниться нашему желанию, если шотландские лорды действительно требуют от нее этого; да она и сама будет нам благодарна, что мы выбрали ей такого изящного

кавалера. Что же касается его самого, то я рассчитываю на его преданность мне. Он согласится исполнить мое желание и стать супругом королевы Марии.

Бэрлей поклонился, у него не было никаких особых поводов возражать против подобного решения.

– Прикажите изготовить указ, – продолжала королева, – я возведу сэра Дэдлея в звание графа Лейстера. Пока сохраните мой план в тайне, но поразужайте, как настроен этот молодой человек: не завел ли он себе какой-нибудь интрижки и нравится ли ему шотландская королева. Сегодня вечером приготовьте мне доклад по этому поводу. И позаботьтесь, чтобы сэр Дэдлей получил приглашение пожаловать вечером ко двору.

Бэрлей удалился, а Елизавета с нетерпеливым волнением, которое, впрочем, легко было понять, ожидала результатов этого доклада. Если, признаваясь ей в любви, Дэдлей руководствовался только честолюбием, тогда он ухватится за возможность разделить с шотландской королевой корону. Если же он воспротивится этому, тогда он искренне любит ее, Елизавету, и тогда он откажется от короны. Но, даже став супругом Марии Стюарт, он не перестанет быть рабом ее воли.

III

Обширные залы пышного королевского дворца были почти переполнены гостями, а королева все еще не показывалась, заставляя ждать себя непривычно долго. Впрочем, двору было чем занять себя во время этого ожидания.

Девственная королева была уже в том возрасте, когда первый цвет женской красоты достигает полной зрелости, и ей пора было уже избрать себе супруга и озаботиться законным наследником короны Тюдоров. Вот сегодня и болтали о смелом всаднике, который укрощал лошадь перед окнами королевы и потом получил долгую аудиенцию с глазу на глаз. И когда теперь он ходил по зале, то при виде его никто – в особенности же прекрасная половина собравшихся – не сомневался, что вскоре можно ждать пышных свадебных торжеств.

Дэдлей, граф Лейстер был одет во французском вкусе. Короткий, открытый спереди камзол, из которого выглядывали великолепные кружевные брыжи, был из белого атласа, затканного серебром, точно так же, как и жилет и плотно обтянутые панталоны, а серебряные пряжки, белые шелковые чулки и башмаки с красными отворотами и бриллиантовыми пуговицами довершали вместе с богатой шпагой этот простой, но изящный туалет.

– Граф, – сказал Бэрлей, обращаясь к Дэдлею в соответствии с новополученным титулом, – вашим туалетом вы доказываете, что отдаете предпочтение вкусу парижского двора. Надо полагать, что это – самый изысканный вкус, раз его избрала первая красавица мира, шотландская королева.

Дэдлей тут же вспомнил, что, передавая ему лично патент на звание графа Лейстера, Бэрлей поздравил его и прибавил, что теперь он, наверное, скоро представит ко двору графиню Лейстер. Когда же Дэдлей очень уклончиво ответил на эту фразу, Бэрлей заметил, что нисколько не удивился бы, если бы Дэдлей оставил свое сердце в плену во Франции. Дэдлей был достаточно умен, чтобы относиться к каждому своему слову с большой осторожностью, особенно после того смелого шага, которым он подошел к королеве.

– Милорд, – ответил он, – я ношу французские платья потому, что у меня не было времени найти английского портного.

– Вы уклоняетесь от прямого ответа, милорд. Я так много слышал о блеске французского двора и красоте Марии Стюарт, что с удовольствием выслушал бы мнение англичанина на этот счет. Но, быть может, я кажусь вам слишком навязчивым?

– О, вовсе нет, милорд. Я могу только подтвердить, что слухи не преувеличивают великолепие французского двора.

– А шотландскую королеву там действительно так чествовали, как говорят? Она и на самом деле так хороша, что вдохновляет всех поэтов?

– Ее там очень чествовали, а поэтов везде достаточно много. Шотландская королева была образцом женской прелести, пока не потеряла супруга; с того времени я более не видел ее. Впрочем, у нее нет такой королевской осанки, как у нашей монархини.

– Тем хуже. Необходимо, чтобы Мария Стюарт снова вышла замуж, так как ей понадобится мужская рука для защиты против мятежных лордов. И нашей королеве было бы во всяком случае желательно, чтобы шотландский цветок сорвал английский лорд.

– Тогда ей остается только послать на сватовство лордов. Однако я боюсь, что им всем откажут.

– Даже если это будут такие мужчины, как вы, которым достаточно только появиться, чтобы приковать к себе внимание всех женщин? Граф Лейстер, неужели вы упустили во Франции возможность проложить себе дорогу к трону и теперь вам придется удовольствоваться графством?

– Милорд, мое честолюбие не покушалось даже на графство, – ответил Дэдлей.

– Смелому принадлежит весь мир, – улыбнулся Бэрлей. – Однако вот и королева.

Елизавета появилась в истинно королевском великолепии, но никогда еще, как теперь, женщина в ней так старательно не заботилась подчеркнуть все свои прелести. Красный бархат ее длинного платья был усеян белыми розами, в которых сверкали бриллиантовые росинки, белокурые волосы ниспадали на кружевной воротник и были переплетены усыпанными бриллиантами шнурами, а на высоком челе сверкала королевская диадема.

Когда государыня обвела взором присутствующих, то ее взгляд невольно остановился на Дэдлее. Она села на стул и приказала музыкантам играть, а лорду Бэрлею – остаться подле нее.

– Исполнили ли вы данное мною вам поручение, лорд Сесил? – спросила она, понижая голос до шепота. – Дело не терпит отсрочки, но я не могу предложить его на обсуждение совета, пока мы не будем совершенно уверены, что Дэдлей не встретит отказа.

– Ваше величество, граф Лейстер хитрее, чем можно ожидать по его открытому лицу. Я навел справки и узнал, что в Париже он держался исключительно в обществе двух людей, от него же самого ровно ничего не узнаешь.

– Кто они?

– Один – граф Сэррей, брат поэта, казненного в Тауэре; другой – шотландский дворянин, находящийся на службе графа Сэррея, некий Вальтер Брай.

– Значит, шотландец и, конечно, почитатель Марии Стюарт, помогавший Дэдлею при похищении королевы из Инч-Магома. Я хочу поговорить с этим господином; надеюсь, что мне легко будет вызвать его на откровенность.

– Ваше величество, не сделает ли единственный вопрос королевы излишним всякое расследование? Граф Лейстер еще не принес вам благодарности за оказанную ему вами милость.

– Лорд Бэрлей, позаботьтесь, чтобы завтра, до заседания тайного совета, я могла поговорить с шотландцем. Пусть придет также и граф Лейстер, но только он не должен знать, что я вызвала к себе шотландца.

Лорд Бэрлей поклонился, королева же снова окинула взглядом зал. Вдруг на ее лице вспыхнул румянец.

Дэдлей стоял, прислонившись к одной из колонн зала, и, казалось, весь ушел в созерцание танцующих; но от королевы не укрылось, что он тайком смотрел на нее. Вдруг он словно случайно приподнял берет. Елизавете бросилось в глаза, что он обвит голубым шелковым дамским рукавом. На винчестерском турнире в юности он прикрепил этот оторвавшийся у нее рукав к своему шлему!..

Глава вторая Голос совести

I

В элегантном доме, находящемся на западной окраине Лондона, на белых подушках кушетки откинулась пышная женщина, словно погрузилась в сладкие грезы. Внизу расхаживали лакеи, ливреи которых были разукрашены богатыми галунами; лестницы дома были уложены смирнскими коврами, великолепные комнаты тонули в роскоши. Будуар был уютный: разукрашенная богатой резьбой мебель обита бархатом, тяжелые махровые занавеси закрывали окна, драгоценные ковры застилали пол, стены будуара увешаны дорогими гобеленами. Всевозможные безделушки и предметы роскоши придавали бы будуару вид кабинета редкостей, если бы вся остальная обстановка не была до крайности уютна и удобна. В камине пылало яркое пламя, красноватый отблеск которого играл на щеках мечтающей красавицы. Ни малейший звук не проникал с улицы в этот будуар, и уютной тишины не нарушало ничто, кроме трескания дров в камине и бурчания кипящей воды в серебряном чайнике. Чай был известен в Англии уже лет сто, но еще принадлежал к числу предметов роскоши.

Легкое, душистое платье окутывало пышные формы женщины, но на лице ее были видны исключительно искусственные краски, китайские румяна и французская пудра изгладили следы, наложенные временем, а может быть, заботами и пороком.

На столе стояла маленькая коробочка с целой грудой записок. Лорд М. прислал великолепное кольцо с пожеланиями счастья, капитан Р. – фрукты из Африки, адмирал Р. – редкости из Индии. Далее находились лстивые восхваления бедного поэта, благодарящего за щедрую поддержку, а еще далее – раздушенная записочка старого полковника.

Графиня Гертфорд мечтала. Все мрачные воспоминания своей юности она прогнала последующей наполненной роскошью жизнью и теперь наслаждалась богатством, доставшимся ей по капризу кровавой Марии.

Да, бывшая Кэт Блоуэр утопала в роскоши... Но кто мог сказать, что она была действительно счастлива? Женщина, когда-то стоявшая у папистского столба и потом коротавшая дни в пещере у ведьмы, сейчас вытягивала свое тело на мягких подушках, вдыхала индийские благовония и украшала себя шелком и драгоценностями...

Правда, Екатерину пугала бледная тень Тауэра. Призрак Бэкля долго отнимал у нее ночной покой; долгое время она боялась, что человек, которого прямо от алтаря потащили в застенки, когда-нибудь разорвет свои цепи, появится около ее изголовья и закричит: «Отдай назад украденное, ты, эдинбургская ведьма!» Из страха перед этим призраком она продавала свою любовь в обмен на защиту могущественных лордов. Поэтому, когда Мария Тюдор умерла и открыли двери темниц, то Бэкля не выпустили на свободу, а переправили через шотландскую границу с указом, что возвращение на английскую землю будет для него смертным приговором.

А Вальтер Брай?

Правда если в тихие часы одиночества Екатерина иногда думала о возлюбленном своей молодости, то ужас сковывал ее при воспоминании о мрачных страницах пережитого несчастья, и сердце сжималось холодным ужасом, когда она думала о человеке, кричавшем ей: «Опозоренная женщина должна умереть».

Она трепетала перед этой суровой добродетелью, перед этой словно из бронзы высеченной фигурой, которая требовала для нее смерти из-за какого-то негодяя, который покрыв ее

позором; она чувствовала, что недостойна любви Брая и что именно эта любовь послужила причиной всех ее несчастий, так как только из любви к Вальтеру она отвергла Бэкля. А что мог предложить ей Брай? Скучное существование среди мирных хозяйственных забот: никогда не пришлось бы ей испытать восторги сладострастия, праздновать триумфы кокетства, вызывать зависть толпы.

А ее ребенок?

Этот уродливый чертенок, призрак болот, временами танцевал перед ее глазами и смеялся ироническим хохотом, и дрожь охватывала Екатерину. Но вспомнив его неожиданно мягкий голосок с мольбой о сострадании, Екатерина с болью думала о нем.

Неужели это ее дитя? Не насмешка ли сатаны? Но у того существа, которое молило ее о хлебе, волосы были мягки, тело нежно.

– Слишком поздно! – пробормотала Екатерина, вспомнив его опять, и, как тогда, вновь почувствовала, как пол уплывает из-под ее ног, что вся окружающая ее роскошь должна вот-вот рассеяться, как сонная греза, и ей снова придется ступать дрожащими ногами по болотам и вызывать из всех сил:

– Бабушка Гуг, где мой ребенок?

Ее ребенок!.. Материнская любовь никогда не пропадает совсем и в любой момент может вспыхнуть и разгореться ярким пожаром. Чего бы только не дала теперь Екатерина Гертфорд, чтобы иметь возможность посмотреть и обнять своего ребенка! Ей казалось, что она словно совершила преступление против самой себя в тот день, когда отказалась от него – преступление против собственной плоти.

Где же мальчик? Быть может, он умер от голода, пока она утопала в роскоши, или, может быть, замерз, пока она нежилась на мягком шелку; быть может, его пытали и сожгли, как ведьмино отродье, в то время как она отдавалась тому самому лорду, который дал это кровавое приказание?

Через преданных ей лиц Кэт навела справки, населено ли еще развалившееся аббатство близ Эдинбурга, не слышно ли чего-нибудь о колдунье и ее ребенке. Ей рассказали о том, как многих ведьм выставляли к папистскому столбу, а потом воздвигли большой костер, на котором и сожгли их всех во славу Божию. Среди многих незнакомых ей имен упоминалась и Гуг, которая была в особенности одержима и мучима дьяволом. Ее пришлось три раза сечь розгами, пока она призналась.

Кэт стало страшно, ей казалось, что она слышит вопли несчастных, видит, как пылают пламя костров, смыкаясь над обугленными телами, слышит иронические насмешки и восторги толпы, прерываемые жалобными стонами детей казненных ведьм.

II

Екатерина позвонила, чтобы позвать горничную, и сказала ей:

– Прикажите заложить экипаж, я должна выехать. Принесите свечи, пусть будет светло! Пошлите за лордом Джорджем!.. Я хочу смеха и шуток. К вечеру пригласите Шекспира с его трупной.

– Миледи, – испуганно прошептала камеристка, – там пришел какой-то человек, который хочет во что бы то ни стало переговорить с вами. Мы сказали ему, что вы сегодня не принимаете, но он просит, чтобы вы увиделись с ним, и тогда, по его словам, вы уже найдете время принять его.

Кэт внимательно посмотрела на камеристку, словно желая прочесть на ее лице, друг или враг этот незнакомец. Был ли то любовник, который долгое время пренебрегал ею, а теперь хочет приготовить ей приятный сюрприз, человек, с которым она может смеяться и шутить

и прогнать мрачных призраков с души, или это враг, быть может, сам Бэклей или посланный от него человек?

– Сказал ли он, как его зовут? Я никого не принимаю, если мне не назовут сначала имени! – сказала Кэт.

– Миледи, он не захотел назвать свое имя, но уверяет, что знает вас лучше, чем все английские лорды. Это – кавалер, он одет во французское платье, но говорит по-английски с шотландским акцентом и с виду так мрачен и серьезен, словно Черный Дуглас шотландских болот.

При слове «шотландец» лицо у Кэт побледнело как мел, и колени подогнулись.

Как это камеристка могла увидеть в мрачном посетителе Дугласа? Ведь один из них был отцом ее ребенка. Что же сказать ему, если Дуглас спросит: «Кэт, где мой ребенок?» Но что если он явился не за тем, чтобы грозить, а принес ей весточку о ее ребенке?

Но с доброй или с плохой вестью пришел он, а ему была известна ее тайна; одно только слово – и графиня Гертфорд лишится всего своего очарования, титула, ранга и богатства. Что если он уже разболтал о цели своего посещения? Неужели ей снова придется спасаться бегством, быть исключенной из кругов знати, подвергнуться презрению поклонников и насмешкам своей челяди? Неужели она должна решиться на вечный позор ради неверного утешения? Почему бы этому человеку не написать ей?

– Я не выйду сегодня! – сказала графиня Гертфорд. – Я не хочу никого видеть. Дайте этому шотландцу денег, и пусть он уйдет.

– Миледи, он не похож на нищего. Он не принимает никаких отговорок.

– Что? Не хочет уходить? Да что, в самом деле, разве я не госпожа в своем доме? Пусть дворецкий удалит его.

Графиня повелительно махнула рукой, и камеристка ушла. Она часто видела свою госпожу расстроенной, но никогда не замечала такого беспокойства с явными признаками ужаса.

Но не успела камеристка уйти, как Кэт готова была вернуть ее обратно. Она чувствовала, что таким поведением вызывала подозрения прислуги, и никак не могла сообразить, к какому же решению ей прийти. Задержав дыхание, она прислушивалась, что творится за дверью. А что если вдруг незнакомец силой ворвется к ней. До ее слуха донеслись звуки спора.

Она подбежала к письменному столу. Лорд Т., который часто признавался ей в любви, мог бы помочь ей. Только одно его слово – и назойливый незнакомец исчезнет в тюрьме или его прогонят за границу.

«Милорд, – написала она дрожащей рукой, – какой-то незнакомец силой добивается у меня приема. Защитите меня! Я предполагаю, что это – месть изгнанного Бэкля, который преследует меня. Торопитесь, наградой вам будет моя любовь!»

Она сложила записку и позвонила.

В этот момент в комнату вбежала камеристка.

– Миледи, – закричала она, – это какой-то ужасный человек; мне даже кажется, что он покушается на вашу жизнь. Он обнажил меч и запер дверь, во что бы то ни стало хочет видеть вас!

Кэт улыбнулась – и в этой улыбке можно было прочесть смертный приговор незнакомцу. С того момента, как она приняла твердое решение уничтожить назойливого посетителя только за то, что он был шотландцем, она твердо решила смотреть на него как на врага.

– Скажи этому шотландскому болвану, – воскликнула Екатерина, – что мне очень интересно посмотреть на человека, который хочет пробить путь к даме мечом. Только ему придется немножко подождать, пока я покончу со своим туалетом. Прикажи подать в гостиную вина и стаканы; а с этим письмом пусть сейчас же кто-либо отправится к лорду Т.!

– Миледи, лучше было бы, если бы письмо отнесли через черный ход, а вы подождали, пока придет помощь. У незнакомца – пистолеты, а лакеи – большие трусы.

– Делай, что тебе приказывают, и не бойся ничего! – приказала Кэт, и ее глаза сверкнули злобным огнем. – Там, в шкафу, у меня имеется порошок, которым я сдобрю ему вино. Этот порошок усыпит его, и тогда нам легко будет справиться с ним.

– А если он не захочет выпить? Миледи, этот человек словно безумный; он говорит, что стоит ему произнести одно только слово – и никто не осмелится и пальцем дотронуться до него.

– Ступай, он выпьет вино! – воскликнула Кэт, а когда камеристка вышла из комнаты, она мрачно прошептала: – Да, да, его язык должен онеметь, прежде чем моя месть обрушится на его голову. Это – Дуглас, или Бэклей, или даже Вальтер Брай... А!.. Одно-единственное слово может погубить меня и отпугнет трусливых лакеев, которые никогда не решатся рискнуть за меня своей подлой жизнью. Но это слово ему не удастся произнести!

Она торопливо подошла к шкафу, достала из коробки порошки, скользнула в гостиную и высыпала зелье в вино, затем засунула за корсаж маленький кинжал и, вооруженная таким образом, подошла к порогу.

– Пусть незнакомец войдет, – приказала она таким тоном, который ясно показал слугам, что им придется жестоко поплатиться за непослушание, после чего подошла к окну и встала, чтобы иметь возможность в зеркале разглядеть незнакомца, как только он переступит порог гостиной.

III

Открылась дверь, и на пороге появилась фигура, при виде которой вся кровь застыла у Кэт в жилах. Это был Вальтер Брай, которого она видела в ужасных кошмарах. Таким же грозным было его бледное лицо, как и в тот момент, когда его передали в Тауэре в руки палача. Это был тот самый человек, которого она любила в ранние годы своей юности, ради которого она отвергла Бэклея и навлекла на себя позор. Это был тот самый человек, который в час ее самого безграничного отчаяния предстал перед ней, словно ангел Божий, который освободил ее от папистского столба, избавил от коршунов и воронов, поджидавших свою жертву, сильная рука которого подняла ее на обрыв и низвергла дугласовских всадников со скал. Но это был также ангел смерти, бессердечный и полный ледяной холодности, тот самый, который стоял около ее смертного одра и кричал: «В могилу обесчещенную женщину! Я отомщу за тебя, но ты должна умереть!»

Что ему было нужно от нее? С какой целью вышел этот призрак из могилы? Какие права могли быть у него на нее?

Улыбка, с которой она думала приветствовать Дугласа или свести с ума посланного от Бэклея, замерла на устах Екатерины, но острый взгляд смертельной ненависти вспыхнул в ее глазах, когда она нашла, наконец, в себе силы побороть ужас при виде этого мрачного образа.

– Вальтер Брай, – молвила она, – неужели это – вы? Я боялась увидеть лорда Бэклея, которому я все еще не отомстила. Почему вы сразу не сказали своего имени?

– Миледи, – ответил Брай, – я пришел, чтобы потребовать ответа, а не служить удовлетворением праздному любопытству.

– Вы даете мне почувствовать, что презираете женщину, которая любила вас и пострадала только из-за этой любви.

– Миледи, вам, как видно, живется очень хорошо, так что должно быть в высшей степени безразлично, уважаю я вас или презираю.

– Вальтер, вы ужасны! Но все-таки знайте, что я приняла все это богатство только для того, чтобы отомстить Бэклею, и ношу его имя только для того, чтобы досадить ему. Вальтер, не будем упрекать друг друга! Ведь я также могла бы поставить вам многое в вину, но к чему все это! Вы хотели говорить со мной. Неужели вы сомневаетесь, что я немедленно приказала бы впустить вас, если бы вы назвали свое имя? Все, что у меня есть, принадлежит вам. И если это

имущество понадобится для мести, я готова пожертвовать им, но Бэклею должен быть конец. И тогда я сама готова умереть – жизнь не имеет для меня больше никакой цены.

– Да благословит вас Бог, миледи, если вы действительно думаете так! В таком случае я готов мягче судить о женщине, честь которой была когда-то мне так же свята, как и моя собственная. Не хочу спорить, не хочу спрашивать. Быть может, это тоже было своего рода мстью с вашей стороны, когда вы сочетались с Дугласом. А, вы покраснели? Так вы еще не разучились краснеть? Миледи, вы – графиня, а в аристократическом мире несколько иначе смотрят на вещи. Там распутных девок не привязывают к позорному столбу, им закрывают позор щитом титула и накрывают их сверху гербом негодяя, достаточно подлого, чтобы торговать своим именем. Я не имею ни малейшего права делать вам выговоры, я не завидую лордам, которые ползают на коленях перед высеченной девкой. Приберегите краску стыда для тех господ. Я же пришел ради другого. Бабушка Гуг доверила мне ребенка. Это был ваш ребенок, тот самый, которого вы прогнали из дома, чтобы он не выдал вас и не навлек на вас позора, так как этот ребенок был слишком уродлив. Этого ребенка я ищу. У него на пальце кольцо, которое он должен показать вам в тот момент, когда вас одолеет раскаяние. Этот ребенок здесь, но, по всей вероятности, вы, графиня Гертфорд, припрятали его в какой-нибудь приют. Я требую, чтобы вы отдали мне его назад, и тогда я обещаю вам, что никогда мои уста не произнесут слова, которое обвинит или выдаст вас; я забуду о вашем существовании.

Кэт закрыла лицо. Она и не подозревала, что Вальтеру известен также и этот позор ее жизни и что бабушка Гуг доверила ребенка ему, который хотел ее смерти, когда она была опозорена.

– Но где же этот ребенок? Вальтер, – простонала она, и слезы хлынули из ее глаз, – ты воспитал моего ребенка! О, какой ты благородный, великодушный человек! Вальтер! Мое дитя у тебя? Где же оно? Не скрывай!

– Филли нет здесь? Или это – лицемерие? О, Боже! Филли нет здесь...

– Вальтер, – продолжала умолять Екатерина, – расскажи мне, как ты потерял ребенка, я стану искать его, все мое золото...

– Да будь ты проклята со своим золотом! Подлая! Я лучше убил бы Филли, чем обрек позору иметь такую мать, как ты. Но горе, горе тебе!.. Я буду терзать тебя, пока ты не заплачешь над собой и своим позором.

От его угроз и проклятий ужас все более и более овладевал Екатериной. Ненависть и страх заслоняли нежные чувства, пробужденные его словами, она видела в нем только человека, перед которым дрожала даже во сне, – и бешенство с удвоенной силой вспыхнуло в ее душе.

«Этот негодяй еще осмеливается грозить! – возмутилась она про себя. – Что, я его служанка, его рабыня, что ли? Этот нищий собирается погубить меня? Хочет выставить напоказ всему свету мой позор?.. Вот что, Вальтер Брай, если ты сам нарываешься на удар, так вини же самого себя!»

– Вальтер, – сказала она умоляющим голосом, со злорадством заметив, что он весь дрожит от возбуждения, – если ты хочешь криками и шумом сделать всех лакеев свидетелями скандала, то ты никогда не узнаешь, где Филли. Я если когда-нибудь и найду ребенка, то укажу ему на тебя пальцем и скажу: «Вот человек, который сделал несчастной твою мать. Ей пришлось оттолкнуть тебя, так как иначе он убил бы тебя, как постоянно грозился убить твою мать»... – Заметив, что на лице его отражаются самые разнородные чувства, она продолжала: – Ты всегда думал только о самом себе, Вальтер, о собственной чести. Своей дикой необузданностью ты вооружил против себя дугласовских всадников, так что уже не мог защитить меня от них. Когда меня обесчестили, ты хотел убить меня вместо того, чтобы преследовать их. Перед тобой мне приходилось вечно дрожать, и получалось, что ты был мне не защитником, а врагом. Конечно, гораздо легче издеваться над женщиной и убить обесчещенную, чем отыскать

лорда Бэкля. Но недостойно с твоей стороны делать мне новые упреки за то, что я нашла себе другую защиту.

– Перестань, женщина ты или черт! – заскрежетал он зубами. – Ты приводишь меня в бешенство. Я готов разгромить все вокруг. Да, недостойно угрожать женщине, хотя бы эта женщина и была холодной змеей, готовой ужалить. Но и ты была недостойна, чтобы я любил тебя.

– Вальтер, мне хочется верить, что только страдание делает тебя таким суровым и бесчувственным. Ты устал, пот выступил на твоём лбу. Освежись глотком вина и потом спокойно выслушай меня. Я не буду защищаться, а просто попробую доказать тебе, что ты неправ, обвиняя меня в том, будто я не люблю своего ребенка.

– Ты? Ха-ха-ха!.. – он горько рассмеялся, принимая из рук Кэт кубок вина. – Если здесь яд, так пусть у тебя на совести будет еще и убийство.

Он не заметил, с каким смертельным ужасом следила она за его рукой, подносившей кубок к губам.

Брай опорожнил кубок до дна, одним духом вылив его содержимое в пересохшее горло. Но вдруг насторожился, услышав шум тяжелых шагов и звон оружия.

– Это что такое? – спросил он, схватившись за пистолет, заткнутый за пояс. – Берегись, Кэт! Первая пуля достанется тебе, если ты поймала меня в засаду!

– Ты глуп, Вальтер!

– Я глуп, потому что позволил девке одурачить меня. Э... что это такое... а... вино... яд... ты отравила меня!..

Он попытался поднять руку, но внезапная усталость вдруг сковала его, а разлившаяся по лицу бледность показала, что наркотическое действие яда уже начинало действовать.

– Твои мысли путаются от излишней страстности, – улыбнулась Кэт.

– Подлая!.. Проклинаю!..

Брай согнулся и рухнул на ковер. Кэт торопливо бросилась к порогу.

Вошли полицейские.

– Вот этот дебошир, – сказала Кэт. – Я дала ему сонное питье, пусть он теперь выспится в тюрьме; мои слуги подтвердят вам, что он силой ворвался ко мне.

Лорд Т. явился часом позднее.

– Вы – героиня, – воскликнул он. – Я слышал, что вы смелой хитростью и редким присутствием духа справились с человеком, которого испугалась орава ваших лакеев. Но кто это такой? Что ему от вас нужно?

– Милый лорд, это – несчастный сумасшедший, который вбил себе в голову, будто я – шотландская деревенская девка, его бывшая невеста, покинувшая его. Должно быть, по несчастной случайности, я очень похожа на нее. Он еще прежде неоднократно докучал мне, но теперь это сумасшествие принимает опасные формы, так как он начинает грозить оружием.

– Я позабочусь, чтобы его обезвредили. Но как вы неосторожны! Ведь он мог убить вас здесь!

– Милорд, вы не учитываете, что он видит во мне свою возлюбленную. Я чувствую к нему глубокое участие, история этого несчастного человека очень трогает меня. Ведь я – его соотечественница. Я надеялась, что мне удастся словами утешения успокоить его, но он окончательно взбесился.

– Ну, больше он вам не будет досаждать. О, если бы вы знали, каким очарованием облекает вас это сочетание красоты со способностью питать глубокое сочувствие к несчастью! Но обязанностью ваших друзей является оберегать вас от последствий вашей собственной доброты, когда дело идет о вашей жизни.

Кэт улыбнулась – она победила. Но чего стоила ей эта улыбка торжества! Яд, который она подмешала к сонному питью, наверняка парализует мозг. От Вальтера Брая она себя обезопасила, но от укоров совести?..

Она вступила на невозвратный путь преступлений.

Глава третья

Возмездие

I

Королева Елизавета сидела, задумчиво глядя в окно. Там, у ворот своего дворца, она увидела Дэдлея в первый раз с тех пор, как он вернулся из Франции, и сердце, которое не забыло рыцарского пажа винчестерского турнира, горячо забилося навстречу мужчине, снова взглянувшему на нее смелыми глазами пажа, так же отважно, так же гордо, так же маняще.

«Если бы я была простой леди, то не было бы счастья выше того, как броситься в его объятия! – думала она. – Но я – английская королева!.. Любовь ожесточила моего отца и заставляла его переносить свое дикое неистовство с одного объекта на другой. Да и мое сердце уже вспыхнуло гневом при одной мысли, что он мог нарушить свою в прошлом верность мне; и я могла бы убить любимого человека, если бы он осмелился обмануть английскую королеву, словно самую обыкновенную женщину... Ха! Разве не сказала леди Бэтси Килдар, что когда-нибудь любовь скует цепями и мое сердце? Значит, женщина является рабыней, когда любит... Неужели же я когда-нибудь превращусь в жалкую рабыню своего возлюбленного, которую бросают, когда увядают ее прелести? Нет, мне надо быть твердой. Я должна подавить в себе единственную слабость, которой наделила меня природа, дать возлюбленному в супруги мою соперницу; мое сердце не смеет приобрести надо мной ту власть, которая обезличивает государей, делает сильного – рабом, гордого – ревнивым и доводит до порока, за который моя мать поплатилась жизнью! Что если Бэрлей уже догадался об истинной причине вызова Брая – ревности, охотно прислушивающейся к каждой сплетне? Ведь тогда мои советники используют мою слабость, чтобы направлять мою волю по своему желанию. Нет, он обманется в своих ожиданиях, если собирался поймать меня на обычной женской слабости. Пусть он увидит, что я навожу справки только в интересах английской короны и хочу лишь узнать, подходящий ли Дэдлей человек, чтобы сделать Шотландию вассалом Англии. О, как слепа страсть, как велика опасность подпасть под ее влияние!»

Доложили о приходе лорда Бэрлея.

– Как, вы один? – с удивлением спросила Елизавета. – Разве очень трудно найти этого Брая?

– Ваше величество, граф Лейстер ждет ваших приказаний, но сэра Вальтера Брай...

– Милорд, наши приказания были даны с достаточной ясностью и определенностью!

– Ваше величество, соблаговолите выслушать меня. Данный случай кажется мне достаточно важным, чтобы обратить на него ваше внимание, здесь затронуты интересы правосудия. Разрешите мне обратить ваше внимание на некоторые подробности.

– Говорите, милорд!

– Быть может, вы, ваше величество, припомните статс-даму королевы Марии Тюдор, которая довольно необыкновенным образом составила свое счастье в ту самую ночь, когда Гилфорд Варвик поплатился жизнью.

– Милорд, я знаю все это.

– Ваше величество, королева Мария заставила графа Гертфорда жениться на этой статс-даме и перевести на ее имя все свое состояние, после чего его заперли в Тауэре, где подвергли пыткам и заковали в цепи, пока милостью вашего величества он не был выпущен на свободу под условием никогда больше не появляться в Англии.

– Подлый негодяй не стоил веревки, чтобы его повесили. Но, милорд, я не знала тогда, что здесь оставалась его супруга. Разве она играет какую-нибудь роль по отношению к сэру Браю?

– Главную роль, ваше величество! Вчера сэр Вальтер Брай силой проник в дом графини Гертфорд, и она приказала арестовать его, после того как добрых полчаса проговорила с ним с глаза на глаз и потом подмешала ему в вино сонное питье. Человек, казавшийся по внешнему виду совершенно здоровым и только бывший сильно возбужденным и взволнованным при появлении в доме графини Гертфорд, теперь лежит в горячечном бреду. Графиня уверяет, что он всегда был сумасшедшим, помешанным на том, что она будто бы является его невестой, когда-то изменившей ему. Лорд Т. приказал заключить сэра Брая в тюрьму, о чем и узнали мои люди. Среди его бумаг нашли письмо леди Бэтси Килдар и многие другие письма, доказывающие, что он уже давно следит за лордом Бэрлеем и за графиней Гертфорд. Показанию графини Гертфорд, будто Брай давно был сумасшедшим, противоречит то, что он был в дружбе с графом Лейстером. Мне кажется, что он стал сумасшедшим только со вчерашнего дня, так как графиня Гертфорд могла дать ему с сонным питьем также и яд.

– Господи Боже! Милорд, вы правы, но я надеюсь, что сэр Дэдлей не замешан в эту историю? Пусть граф немедленно появится здесь!

Бэрлей вышел за дверь, и через несколько секунд перед королевой появился граф Лейстер.

II

Дэдлей был одет в очень скромный костюм, в высшей степени гармонизировавший с тем покорным выражением лица, которое он принял перед королевой. Властолюбие было не только самой выпуклой чертой характера Елизаветы, но и ее слабостью. И когда королева увидела перед собой того самого человека, который вчера преследовал ее смелыми влюбленными взглядами, а ныне стоял таким приниженным, то она почувствовала себя удовлетворенной.

– Милорд Лейстер, – сказала Елизавета, – мы вызвали вас сюда для того, чтобы расспросить вас о разных важных вещах, и требуем от вас, как верноподданного и вассала, чтобы вы откровенно и непреложно сообщили нам чистую правду. Представьте себе, что вы стоите перед законом и, клянусь Богом, что, если вы утаите хоть что-нибудь, я отдам вас под суд.

– Ваше величество, – ответил Дэдлей, – я не знаю, с каких пор моя королева стала сомневаться, что Варвик не доверит ее мудрости даже такой тайны, которую от него не могла бы вырвать никакая другая земная сила.

– Милорд, я предпочитаю доказательства преданности уверениям в ней. Скажите мне, что вы знаете о графине Гертфорд.

– Ваше величество, я не имею чести знать эту даму.

– Вы не знаете ее? Но ваш друг, Вальтер Брай из Дэнфорда, хорошо знаком с ней, и если вы подумаете, то, наверное, вспомните, что он говорил об этой женщине и своих намерениях касательно ее.

– Вальтер Брай? Ваше величество, это – очень замкнутый человек; мне известна одна тайна его жизни, но с его уст никогда не срывалось ни одного звука относительно ее; то же, что мне известно, я знаю благодаря своему другу Роберту Сэррею.

– Значит, этот сэр Брай избегает людей и любит уходить в мрачные грезы? Быть может, это – полоумный, одержимый навязчивыми представлениями?

– Ваше величество, это – один из самых достойных людей, вернейший друг, а если он и таит мрачные планы, то потому, что сам пережил много горя.

– Расскажите мне, что именно пришлось ему пережить.

– Ваше величество, сэр Брай любил одну девушку, которая отвечала ему взаимностью. Один из его врагов старался обесчестить девушку, а когда ему это не удалось, то он обвинил ее в распутстве. Эдинбургская толпа, подлая чернь и негодяи всадники потащили несчастную за город и привязали к позорному столбу. Появился Вальтер Брай, он отвязал мученицу, чтобы узнать от нее правду и услышать имена тех, кому он мог бы отомстить за нее, он даже готов был умертвить опозоренную девушку, но одной старухе удалось спасти ее.

– Готов был умертвить? – переспросила Елизавета с большим интересом. – Почему? Потому, что она была виновата, или же он считал, что женщина, которую он любил, после всего происшедшего не достойна жить на свете?

– Он уверился в ее невиновности, но посчитал, что для лишенной чести смерть должна казаться избавлением от позора.

– Это доказывает большую широту мыслей. Но как это ужасно! Этот субъект очень своевластен, но он мне нравится! Продолжайте!

– Он тщетно искал своего врага, но тому удалось скрыться в Англию. Когда Брай узнал, что его невеста еще жива, он, не обращая внимания на то, что находился в то время под преследованием, бросился к тому месту, где она, по слухам, жила. Я сопровождал его в этой поездке и могу подтвердить, что Брай глубоко возненавидел обесчещенную за то, что она предпочла смерти позорную жизнь. Она исчезла. Через некоторое время и мы тоже прибыли в Лондон. В ту самую ночь, когда моему отцу пришлось заплатить сначала свободой, а потом и жизнью, Брай встретил своего врага в Виндзорском парке. Его враг успел вкрась в доверие к моему деду, чтобы потом предать его королеве Марии. Но за нападение на этого врага Брай попал в Тауэр. Как ему удалось спастись из Тауэра – об этом он не обмолвился ни словом ни мне, ни Сэррею. Но, наверное, это произошло с помощью старой шотландской колдуньи, потому что она привела его к себе в подземелье, где прятались Сэррей и я, и доверила ему мальчика, которого он полюбил как сына. Очень возможно, что этот мальчик был сыном его невесты, которая позднее открыто вступила на путь позора. Этот мальчик был нашим пажем во Франции. Он был очень предан и самоотвержен. Однажды он спас мне жизнь, когда нас преследовала Екатерина Медичи. Та приказала пытать его, но, благодаря заступничеству Марии Стюарт, удалось добиться его освобождения. Однако с тех пор наш паж исчез, и Вальтер Брай тщетно искал его повсюду.

– Как звали врага сэра Брая?

– Лорд Бэклей.

– А! – воскликнула Елизавета, слушавшая рассказ Дэдлея с напряженным вниманием. – Тогда все ясно. Теперь понятно, кто такая графиня Гертфорд и почему Брай вдруг выдан за сумасшедшего. Благодарю вас, граф Лейстер! Позовите лорда Сесила!

Дэдлей поклонился и выполнил приказание.

– Лорд Бэрлей, – сказала королева, когда тот снова появился перед ней, – милорд Лейстер дал нам вполне удовлетворительные объяснения. Прикажите сейчас же арестовать графиню Гертфорд и поставить ей условием ее освобождения, чтобы она назвала яд, который она дала сэру Браю, потому что, если он умрет, ее голова скатится с плеч; и, пока он не выздоровеет, она должна оставаться в цепях. Кроме того, она должна выдать все, что ей известно о ее сыне, а мы проведем розыск со своей стороны. Что касается ее дальнейшей участи, то, быть может, мы предоставим решающее слово самому сэру Браю. Его немедленно освободите и приставьте к нему моего лейб-медика, который должен давать мне постоянные рапорты о ходе его болезни, пока больной не будет в состоянии лично рассказать мне обо всем происшедшем. Лорда Т. привлечите к ответственности за превышение власти. В государственном совете мы с вами увидимся.

Бэрлей, поклонившись, вышел.

Тогда Елизавета милостиво обратилась к Лейстеру:

– Милорд, благодарю вас за первую службу, которую вы сослужили мне. Вы помогли мне проявить правосудие, и теперь я хочу подвергнуть еще более тяжкому испытанию вашу преданность. Ведь вы, кажется, говорили, что готовы пожертвовать для меня своей кровью и всем достоянием?

– Ваше величество, я как милости жду этого испытания!

– Хорошо же, милорд, вы должны устранить для меня опасного соперника и помочь увенчать победой первый важный шаг внешней политики. Дело идет о жертве, за которую вы будете щедро вознаграждены.

– Ваше величество, какая награда может быть для меня выше вашей милости и благоволения?

– Сначала послушайте, чего я потребую от вас. Вы произвели впечатление на наших дам, вы умеете смело говорить с женщиной и прямо идти к цели, что обеспечивает вам победу. Наша родственница, Мария Шотландская, стала жертвой мятежных лордов и нуждается в опоре. Задача английской политики – найти эту поддержку здесь, на острове. Человек, которого я рекомендую в качестве супруга Марии Стюарт, должен видеть будущность Шотландии в единении с Англией, а не в союзе с жалкой Францией. Он должен быть верным слугой Англии, и я выбрала для этого вас, граф Лейстер.

Елизавета произнесла последние слова дрожащим голосом, так как Дэдлей был поражен или мастерски притворялся пораженным, и Елизавета не была бы женщиной, если бы не подумала, что разбила ему сердце.

– Сэр Дэдлей, – мягче продолжала она, видя, что он стоит точно раздавленный неожиданным несчастьем, – ведь я назвала жертвой ту службу, которую требую от вас.

– Ваше величество, – ответил он, не поднимая взора, – я предлагал вам свою голову, но вы требуете большего...

– Милорд, мне говорили, что ваше сердце еще свободно. Мария Шотландская красива, а вместе с ее рукой вам достанется корона. – Взор Елизаветы впился в него, желая понять, что говорило его сердце. – Или, быть может, ваше сердце не свободно? – тихо спросила она.

Он взглянул на нее – и чувство глубокого торжества, которого она так жаждала, пронизало ее всю.

– Ваше величество, – с горькой усмешкой сказал Дэдлей, – разве это важно? Полюбишь, потом над тобой надругаются, и уже не сможешь любить, так как ничто так не разбивает сердца, как подобное издевательство. Если оно заслужено, тогда дело обстоит еще веселее – дурака выставляют на всеобщее посмеяние; если же оно не заслужено, то это, конечно, неприятно высмеянному, и ему спешат заплатить за страдание и за жестоко растоптанное чувство и предлагают чужую корону. Ваше величество, на ком прикажете мне жениться, если шотландская королева откажет мне?

– Лорд Лейстер!

– Ваше величество, вы сердитесь, так как я забыл, что стою перед королевой. Но, впрочем, какое вам дело до Дэдлея Варвика? Вы можете потребовать моей головы, но вам не разбить моего сердца. Это может сделать только прекрасная Елизавета Тюдор.

– Граф Лейстер, вы сошли с ума. Ведь вы говорите с вашей королевой!

– Вы могли послать меня в Тауэр, если вас как королеву оскорбило, что я осмелился поднять на вас свой взор. Но вы не сделали этого, потому что не хотели поступить как королева, а как кокетливая женщина пожелали сначала поиграть с моим сердцем, чтобы потом растоптать его и надругаться над священнейшими чувствами.

Елизавета вскочила: ее грудь бурно колыхалась, глаза метали молнии. Ее рука совсем было коснулась сонетки, но она не решилась позвонить, так как Дэдлей не только не испугался ее угрозы, а, наоборот, дерзко усмехнулся.

– Милорд, если бы я не думала, что вы вне себя, то это оскорбление стоило бы вам головы! – воскликнула она.

– Я ничего другого и не желаю! Я смеюсь над вашим гневом, потому что знаю, что вы понимаете меня, хотя и притворяетесь, будто мои слова непонятны для вас.

– Дэдлей, вы только доказываете мне, насколько жестоко должна королева поплатиться своей гордостью, если она хоть немного поддастся женской слабости. С вашей стороны было бы благороднее пощадить меня и избавить от этого признания. Вы должны почувствовать, что и мне самой стоило трудной борьбы сказать вам: «Дэдлей, полюбите другую». Я-то вас хорошо понимаю, но вы не понимаете меня!..

Он бросился к ее ногам; как ни мягко звучали последние слова, но в них слышалась такая решимость, что он не мог сомневаться в крушении всех своих честолюбивых надежд.

– Елизавета, – шепнул он, прижимая к своим губам край ее платья, – вы правы, называя меня безумным, только безумец мог надеяться на то, на что надеялся я. Простите несчастному, который забылся на мгновение и в глубоком страдании произнес слова, за которые не может отвечать.

– Встаньте, Дэдлей! Довольно! И так было слишком много всяких объяснений. Я как королева не хочу краснеть перед вами. Я назвала свое требование жертвой и просила вас принести ее мне. Издевательство заключалось бы в том, если бы вам приказывали, а я просила вас! Я буду вдвойне уважать вас, если мне никогда больше не придется раскаиваться в том, что я позволила вам забыться в моем присутствии. Отправляйтесь в Шотландию, милорд, прошу вас об этом!

Дэдлей прижался губами к протянутой ею руке и произнес:

– Ваше величество, когда прикажете отправляться в путь?

– Государственный канцлер передаст вам мой указ. Прощайте, Дэдлей!

Он еще раз страстно прижался к ее руке и бросился вон из комнаты.

Елизавета, с глубоким волнением проводив его взглядом, подумала:

«Я все-таки победила. Леди Килдар неудачно пророчествовала, что когда-нибудь любовь сломит и мою гордость. У меня гордость сломила любовь».

Когда Елизавета появилась в зале заседания совета министров, ее лицо сияло торжеством. Она заявила членам совета, что выбрала графа Лейстера в супруги шотландской королеве.

Один из членов совета осведомился, не позаботилась ли она о том, чтобы дать Англии короля, который мог бы обеспечить наследника престола.

– Милорды, – ответила Елизавета с гордой усмешкой, – посланник испанского короля испытывает мое терпение, хотя я уже несколько лет тому назад сообщила ему о своем решении и не собираюсь менять его. Вообще, милорды, я предпочла бы любому иностранному принцу английского лорда, но в настоящий момент я еще не знаю, выйду ли замуж или нет. Но твердо решила не уступать будущему супругу ничего из своих прав, власти, имений и средств, предоставив своему избраннику единственную заботу дать Англии наследника престола. Хотя вы часто предостерегаете меня от избрания в мужья одного из подданных, но я не послушаюсь ваших советов. Брак вообще противен моей природе, и только благо моих верноподданных может вынудить меня на подобный шаг.

Елизавете льстило, что она одерживала победу над своей единственной соперницей, давала ей в мужья человека, бывшего всецело во власти ее, Елизаветы, чар. Ведь она не любила его пламенной страстью, просто ее самолюбию льстило, что понравившийся ей человек упал к ее ногам. Она не потерпела бы, чтобы ее рыцарь винчестерского турнира, единственный человек, заставивший быстрее биться ее сердце, с обожанием отнесся к ее сопернице, теперь же она могла гордо распоряжаться судьбой этого человека – он был ее рабом.

III

В то время как в государственном совете обсуждался текст ответа Джеймсу Стюарту, который обратился к Англии с просьбой выбрать супруга для Марии Стюарт, так как он находил целесообразным, чтобы между Шотландией и Англией существовали дружественные отношения, – Кэт Гертфорд была арестована.

Она покоилась на мягких подушках дивана, прихлебывала сваренный с пряностями шоколад и поджидала лорда Т., который должен был принести ей известие, что Вальтер Брай стал навсегда неопасен для нее. Как жаждало ее сердце этого известия, как кипела в ее жилах пламенная ненависть, когда она думала об угрозах, которые кинул ей в лицо этот призрак из ее прошлого!

В коридоре послышался шум. Кэт пошла на этот шум торжествующая. Но что это? Звон шпор, бряцание оружия, грубые слова команды...

Кэт стала напряженно прислушиваться, ею стал овладевать страх. Дрожащей рукой она искала засов, которым можно было бы запереть дверь.

– Именем королевы!.. – раздался в коридоре грубый голос полицейского. – Назад!

«Неужели явились арестовать меня? – подумала Кэт. – Да нет, это невозможно, сумасшедший не мог дать какие-либо показания. Яды Гуг действуют наверняка. Просто пришли, чтобы допросить слуг...»

Но вот шаги раздались уже с другой стороны, дверь в спальню открылась, и в нее вбежала испуганная горничная.

«Нет, это уже за мной, я пропала! Яд не подействовал! Брай донес на меня. Мне грозит тюрьма, эшафот!.. Тюрьма?!»

Холод ужаса пробежал по телу Кэт, ее всю затрясло.

«Но нет, я еще пока свободна! – Мрачная улыбка насмешки исказила черты Екатерины. – Там, в шкафу, стоят маленькие флаконы с ядами! Живой им не взять меня, им не придется снова меня сечь и бросать в воду и долгое время держать в страданиях перед ужасом смерти!..»

Она торопливо подбежала к шкафу. Шум шагов слышался все ближе и ближе... Екатерина уже схватила пузырек с ядом.

«А вдруг еще есть спасение? Яд действует скоро, с ним играть не приходится, а смерть так ужасна, тем более, что после нее будут Страшный Суд и вечное проклятие. Умереть без исповеди и отпущения грехов?»

Она вздрогнула, и рука в нерешительности отдернулась назад... Но половица уже затрещала под ногами полицейского. Все завертелось перед глазами Кэт, чьи-то грубые руки схватили ее за плечи.

– Пощадите!.. – пробормотала она и упала в глубокий обморок.

Ей брызнули водой в лицо. Когда она пришла в себя, то увидела, как один полицейский старательно укладывал в ящичек все ее флаконы, а другой стоял перед ней, и в его глазах горела злорадная насмешка.

– Мы успели вовремя!.. – засмеялся он. – Прекрасная леди, вероятно, это и есть те самые яды, которые вы подмешали сэру Брау в вино? Поскорее сообщите нам, какой именно яд вы дали ему и какое противоядие может еще спасти его, потому что королева приказала держать вас до тех пор в цепях, пока Вальтер Брай не выздоровеет, если же не удастся спасти его, то вам придется потерять свою голову на плахе.

– Сжальтесь, я ничего не знаю! Клянусь, что королева введена в заблуждение. Этот человек уже давно был сумасшедшим, он угрожал мне...

– Прекрасная леди, вот наручники для ваших ручек. Посмотрите на них и пораздумайте, не выгоднее ли вам будет признаться во всем. Королева знает все. Вы – трактирная служанка из Эдинбурга.

– Все это – ложь, – простонала Кэт, – это – подлая ложь! Сумасшедший говорит это для того, чтобы погубить меня.

– Сумасшедший ровно ничего не говорит, имеются еще и другие, видевшие вас у папистского столба. Где ваш ребенок? Признайтесь, иначе нам придется сковать вас и отправить в тюрьму. – Полицейский положил наручники и веревки на стол.

– Клянусь Богом, я ничего не знаю о ребенке, – воскликнула она. – У меня украли его. Один Вальтер Брай виноват.

– Так, вероятно, за это-то вы и дали ему яд? Прекрасная леди, дайте противоядие! Это может спасти вашу жизнь.

– А вы обещаете, что меня оставят в живых? Поклянитесь мне в этом, тогда я исполню ваше приказание иначе Брай умрет, как и я, без покаяния и отпущения грехов.

Полицейский схватил ее за руки. Она вскрикнула:

– Сжальтесь! Сжальтесь! Вот возьмите те капли в голубом флаконе. Лихорадка сразу пройдет. Брай не станет ложно присягать. Он знает, что у меня украли ребенка. Я не убивала его.

– Если ваше средство поможет, – сказал с ухмылкой полицейский, – вам отведут лучшую камеру и не станут пытаться. Королева справедлива, если вы невиновны, она вознаградит вас.

Во дворе стояла закрытая карета. Графиню отвели вниз и заставили сесть в экипаж. Вооруженные всадники эскортировали ее в Ньюгейтскую тюрьму.

Глава четвертая

Мария Стюарт и реформатор

I

Первый взрыв недовольства по поводу возобновления католического богослужения в Голируде был сдержан энергичным вмешательством лорда Джеймса Стюарта, но слова реформатора Нокса: «Я скорее соглашусь видеть в Шотландии десять тысяч врагов, чем служение одной-единственной мессы» – звучали по-прежнему угрозой для государыни, которая была чужда своему народу, находила поддержку только в честолюбивых баронах и должна была опасаться того, чтобы их честолюбие не сделало из нее игрушку партийных раздоров.

Она не обладала ни одним из качеств, которые хотели видеть в ней ее подданные. Даже все ее очарование ставилось ей же в вину. Красота Марии вызывала слух, будто она приобрела во Франции привычку к легкомысленным любовным приключениям, а это претило суровым, добродетельным шотландцам. Эта любительница поиграть на лютне и продекламировать французские стихи, носившая корону в чудных локонах с большим кокетством, но без всякого королевского величия, любившая ухаживания поклонников, должна была править раздираемой партийными счетами страной, внушить уважение к закону мятежным лордам. Да еще она привезла с собой католических патеров, весь этот столь ненавистный Шотландии религиозный аппарат, дружбу Гизов, коварство иезуитов.

«Прибытие королевы нарушило мирное течение нашей жизни, – писал Кальвину Нокс. – Не успело пройти трех дней, как уже появились идола в церкви. Некоторые влиятельные и почтенные люди пытались протестовать. Их совесть восстает против того, что земля, очищенная словом Божиим от чужеземного идолопоклонства, снова оскверняется. Но так как большинство приверженцев нашей веры были к этому снисходительны, то беззаконие восторжествовало и принимает все большее распространение. Уступившие оправдываются тем, что мы не имеем права препятствовать королеве держаться своего вероисповедания, говоря при этом, что и ты такого же мнения. Хотя я и оспариваю этот слух, но он настолько проник в сердца, что я не имею возможности настаивать, пока не получу от тебя известия, был ли этот вопрос предложен на рассмотрение вашей церкви».

Неудовольствие Нокса проявилось с полной нетерпимостью при торжественном въезде королевы в Эдинбург. В назначенный день Мария Стюарт направилась в город в торжественном шествии, под балдахином из фиолетового бархата, в сопровождении дворянства и наиболее знатных граждан. Шестилетнее дитя как бы из облаков спустилось перед ней на землю и, приветствовав ее стихами, передало ключи города, библию и псалтырь. Чтобы напомнить ей о тех ужасных карах, которые Бог посылал на идолопоклонников, на ее пути были выставлены изображения того, как земля поглощала нечестивых в то время, когда они приносили свои жертвы. Лишь с трудом партии умеренных удалось воспрепятствовать кощунственному изображению алтаря и священника, загоревшегося во время поднятия Святых Тайн.

После радостного приема народа, приветствовавшего ее как королеву, и проявления религиозного фанатизма, угрожавшего ей как католичке, Мария возвратилась в Голируд, где ей поднесли от имени города большой серебряный вызолоченный ларец. Она приняла подарок со слезами на глазах, и по ее волнению можно было судить, как глубоко она страдала.

– Мое сердце разрывается, – рыдая, обратилась она к Марии Сэйтон, – они издеваются над моей верой и играют с куклой, носящей их корону.

– Мужайтесь! – прошептала фрейлина. – Не унывайте! Час возмездия настанет, когда возле вас будет супруг, который твердой рукой смирит мятежников. Вы терпите во имя церкви, поэтому ищите утешения в молитве!

– Бедная Мария! – сказала королева, горько улынувшись, – разве ты нашла утешение?

Мария Сэйтон вспыхнула, но твердым голосом возразила:

– Я имею то утешение, которое мне необходимо. А если моя душа и страдает, то лишь потому, что я вижу, как вы несчастны.

– Чудная, родная Франция! – вздохнула Мария Стюарт. Но вдруг она встрепенулась, и ее глаза метнули искры: – Я сделаю, как они хотят, но это будет им же во вред. Они не увидят больше моего грустного лица. Я забуду то, что предано забвению. Но муж, которого я себе выберу, должен сокрушить мятежников. Моей церкви объявляют войну, глумятся под моей верой; пусть так, но эта церковь поможет мне одержать победу. Нас хотят видеть веселыми. Так будем же веселы, будем смеяться, вообразим себе, что мы на карнавале, в маскараде, раз надо потешить этих неуклюжих мужиков и строптивых лордов! Разве во Франции мы не научились покорять сердца: неужели наши глаза не прожгут эти ржавые панцири? Заставим же улыбаться эти мрачные лица! Начну с Джона Нокса, этого сурового, непреклонного реформатора. Неужели улыбка королевы не приручит такого медведя? Я буду льстить, буду ласкова! Ко мне, графы и рыцари! Спешите на турнир, и в награду вам – рука королевы! Пусть гремит музыка, пусть все закружатся в веселом танце.

II

На другой день Мария Стюарт объявила в Тайном совете, что готова издать прокламацию и объявить народу, что относительно существующей в стране религии никаких изменений не будет предпринято и каждый общественный или частный акт, нарушающий это постановление, будет преследоваться смертной казнью.

Лорды приветствовали это одобрением.

День спустя Мария вызвала к себе Джона Нокса. Он считался вожаком недовольных, и она надеялась покорить его личным влиянием. Она говорила с ним об обязанностях подданного и христианина вообще, доказывала ему, что он в своем произведении «Бабые правительство» восстанавливает народ против венценосцев, и убеждала его относиться более человеколюбиво к тем, которые расходятся с ним во взглядах на религию.

– Ваше величество, – возразил Нокс, – если отрицание идолопоклонства и наставление народу чтить Бога по Его слову вы считаете восстановлением народа против его венценосцев, то для меня нет оправдания, в этом я виновен. Если же действительное познание Бога и истинное почитание Его ведет подданных к повиновению добрым правителям, кто станет тогда порицать меня? Ваше величество, я обещаю быть довольным и спокойно жить под вашим скипетром, если вы не будете проливать кровь святых людей и не будете требовать от своих подданных большего повиновения, чем требует того Бог.

– Значит, вы того мнения, что подданным дозволено восставать против своих властей и только слабость заставляет их повиноваться?

– Несомненно! – смело ответил фанатик.

Мария смотрела на своего собеседника с изумлением. Такое учение, позволяющее подданным быть судьями своих властителей, побуждающее народ к восстанию, привело ее в ужас. Но она сделала вид, что одобряет мятежные слова Нокса.

– Так, я поняла вас! Мои подданные должны повиноваться вам, а не мне. Вместо того, чтобы быть их королевой, я должна научиться быть их подчиненной?

– Клянусь Богом! – возразил Нокс. – Я далек от того, чтобы освобождать подданных от их долга повиновения. Я желаю только одного, чтобы властители, как и их подданные, повиновались Богу и покровительствовали церкви.

Мария не выдержала и дала волю своим чувствам, которые скрывала до сих пор. Она с гневом возразила:

– Не вашей церкви буду я покровительствовать, но церкви римской, которую считаю единой истинной церковью Божией.

Нокс также вышел из себя и стал подвергать римскую церковь жестокому осмеянию, доказывать ее заблуждения, ее пороки и пытался доказать, что ее вероучение более выродилось, чем иудейское. Королева указала Ноксу на дверь.

Надежды на примирение с протестантами разбились об упорство реформатора. Королеве старались доказать, как мало у нее власти проявлять негодование против такого человека, как Нокс. Городской голова Эдинбурга, Арчибальд Дуглас, издал приказ, по которому все монахи, священники и паписты под угрозой смертной казни должны были покинуть город; вместе с тем был возбужден вопрос, следует ли в общественных и гражданских делах повиноваться королеве, считающейся идолопоклонницей.

III

Боскозель Кастеляр ликовал, узнав, что план Стюартов разрушен, и строил планы о новом триумфе над Стюартом.

Старый граф Арран не явился приветствовать королеву, но прибыл его сын, пылкий мечтатель и любитель приключений. Увидав красавицу-королеву, он воспылал желанием завладеть этой женщиной, а вместе с ней и короной. Он обращался ко всем друзьям, склоняя их низвергнуть всемогущего Стюарта, возведенного королевой в звание графа Марра, и принудить королеву избрать себе супруга.

Однажды во время кутежа в корчме Боскозель встретился с молодым графом Арраном, услышал, с каким воодушевлением тот произнес тост: «Да здравствует Мария Стюарт, и долой каждого, кто хочет быть ее опекуном в этой стране!» – и сразу почувствовал симпатию к нему. Молодые люди быстро пришли к соглашению и предприняли решение собрать в древнем священном месте коронования шотландцев всех представителей горной страны, лордов, сохранивших верность католической церкви, и предложить врагам Стюартов – Гентли, Гордонам и Черному Дугласу направиться в Эдинбург, обезглавить вожakov восстания, водворить порядок в парламенте и утвердить права на бразды правления. Боскозель должен был склонить Марию к одобрению этого плана.

Он явился в благоприятный момент, именно тогда, когда Мария чувствовала себя глубоко оскорбленной Ноксом.

В первый момент она со страстным пылом ухватилась за этот план и уже мечтала о том, как во главе верных подданных вассалов явится победительницей в завоеванный город. Но не успел Боскозель удалиться, сияя от счастья, как ею овладело раздумье. Боскозель был пылок, он любил и видел все в розовом цвете, а что если он ошибся, если лорды обманули его, чтобы отнять у нее последнюю поддержку в лице Джеймса Стюарта?

Она намеревалась посоветоваться со своим духовником, как вдруг к ней вошел Джеймс Стюарт. По его лицу она поняла, что он с дурными вестями.

– Хорошо было бы, – сказал он, – если бы вы предприняли объезд всех графских владений. Вы достигнете этим двоякой цели: познакомитесь со своими врагами и таким выступлением против мятежных лордов приобретете уважение и власть.

Королева смотрела на него с изумлением. Не догадывался ли он о предложении Боскозеля, что требовал от нее того же самого.

– Кто же – эти мятежные лорды? – спросила она, избегая пытливого взгляда брата. – И во власти ли я смирить их, если реформатский священник безнаказанно дерзает оскорблять меня в моем дворце?

– Мария, – возразил Стюарт, – неужели вы больше доверяете французу, который хвастливо сбивает репейные шишки, чем тому, кто единственно может возложить на вашу голову венец? Граф Босвел напал на лорда Ормистона и ограбил его, как разбойник, а теперь они помирились и кутят вместе с Гордонами и Гамильтонами. Я знаю их планы и знаю, что примиряет их всех. Это – зависть к тому благоволению, которым я пользуюсь у вас, и за власть, которую вы предоставили мне. Вы хотите принять помощь тех, которые в Инч-Магоме лишили свободы вашу мать и вас, вы хотите протянуть руку сыну графа Аррана, чтобы не иметь тогда никого, кто защитил бы вас от этих друзей?

Мария побледнела.

– Простите! – сказала она. – Я была в отчаянии и поддалась уговорам первого человека, который предложил мне помощь. Будьте уверены, что я доверила бы вам свой план раньше, чем покинула Эдинбург!

– Ах, вы знали? – усмехнулся Стюарт. – Кастеляр так наивен, что попался в эту ловушку, он поверил, что шотландские лорды будут для него таскать каштаны из огня. Я боюсь за вас, Мария. Этот человек обезумел от любви. Страсть ведет его уже к государственной измене. Берегитесь, как бы он не забыл когда-нибудь, что вы – коронованная королева! Простите меня, Мария, но, по-моему, верный и преданный слуга жертвует своей жизнью или, рискуя навлечь на себя даже немилость своей властительницы, решается открыть ей правду, но никогда не позволит унижить себя ради каприза. Мария, вы не знаете этого человека, изнывающего от пожирающей его страсти. Он имеет основание ненавидеть меня, так как знает, что я употребляю все старание, чтобы устранить его влияние; он имеет основание быть недоверчивым ко мне, так как не знает моего плана и подозревает, что Джеймс Стюарт преследует свои собственные выгоды, а не интересы королевы. Берегитесь, Мария, смотрите беспристрастно, не обольщайтесь его дружбой! Если он примкнул к Босвелу, то, значит, надеется завладеть вашей особой. Будь вы тысячу раз невинны, но подозрительный народ, требующий безупречной чистоты своих дочерей, осудит королеву, дающую хоть малейший повод к молве о ее легком поведении. Могут сказать, что Боскозель никогда не осмелился бы взглянуть на вас с вожделением, если бы вы не допустили этого.

– Довольно! – прервала его Мария. – Благодарю вас за дружеский совет, хотя и не могу признать справедливость вашего упрека. Правда, Боскозель питает ко мне более теплые чувства, но никогда не забывает почтения, подобающего королеве. Вы правы только в том отношении, что мне нужно французский этикет поставить в строгие рамки шотландских нравов. Во Франции никто не осуждает, когда королева забавляется веселой беседой, там никто не усмотрит ничего дурного в учтивых забавах. Я заведу прялку или уединюсь со своими дамами и буду читать псалмы.

– Вы смеетесь, хотя таким именно поведением в короткое время завоевали бы сердце своего народа, но это противоречит вашему темпераменту и всем вашим жизненным привычкам. Я был бы доволен, если бы мои предостережения достигли того, чтобы вы на некоторое время устранили из своего интимного кружка человека, которого молва людская уже считает вашим любовником.

Мария вспыхнула от негодования.

– Джеймс, – схватила она брата за руку, – вы могли бы начать прямо с этого, и вся предыдущая речь была бы излишней. Если молва зашла так далеко, так пора открыть правду! Боскозель похож на моего покойного супруга, и, когда я смотрю на него, мое сердце предается дорогим, приятным воспоминаниям. Любить его – противоречило бы природе и священному чувству. Это была бы насмешка над покойным и над счастливыми днями моей жизни. Если мне

суждено когда-нибудь полюбить кого-либо, то он должен прежде всего заставить меня позабыть моего покойного мужа. Боскозель должен уехать обратно во Францию, и пусть порвется последняя связь, приковывающая меня к чудным воспоминаниям моих юных дней!

– Мария, это была бы чрезмерная поспешность. Этот внезапный отъезд послужил бы признанием вашей вины, страха перед обнаружением тайны или даже тяжелой, насильственной разлукой с тем, кого вы любите. Докажите Шотландии, что Боскозель для вас – не более как верный слуга, но отнюдь не близок вашему сердцу, как женщине. Посоветуйтесь с английским послом относительно выбора супруга. Станьте во главе войска, которое я поведу против мятежных лордов, и оставьте здесь Боскозеля и весь свой придворный штат; этим сразу будут опровергнуты все ложные слухи.

– Мне стать во главе войска, покинуть этот старый замок, увидеть горы Шотландии, вдыхать горный воздух и аромат лесов? Джеймс, вы это серьезно думаете?

– Разве столь невероятно, что королева в сопровождении своих верноподданных отправится по владениям своих графов?

– О, это было бы восхитительно! – засмеялась Мария сквозь слезы. – На коней, на коней, Джеймс! Там, в горах, мое сердце вздохнет свободнее, и я снова найду радости жизни. Мы будем мчаться по болотам и лугам; мое сердце возликует в зеленых лесах. О, Джеймс, какое счастье сулите вы мне!

«Действительно, я был несправедлив, она любит этого француза лишь от скуки, – усмехнулся про себя Джеймс Стюарт, выйдя от королевы. – Но теперь у меня есть средство властвовать над королевой Шотландии, и она будет счастлива в этой стране, ведь для женского сердца требуется очень немного, чтобы считать себя счастливой».

IV

Стюарт прямо отправился к Боскозелю и застал его в тот момент, когда тот собирался принести заговорщикам известие о том, что королева одобряет их план.

– Маркиз, у меня есть просьба к вам, – начал Стюарт, между тем как Боскозель смотрел на него с изумлением, не ожидая ничего доброго от такого внезапного появления своего врага. – Вы увидите сегодня графа Аррана, Босвела и Гордона?

Боскозель побледнел. Не был ли лорд Джеймс в союзе с дьяволом, что узнал об их заговоре раньше, чем он принял форму окончательного решения.

– Моя просьба состоит в том, – продолжал Джеймс с иронической улыбкой, – чтобы вы посоветовали им покинуть Эдинбург раньше наступления ночи, так как королева собиралась вскоре посетить их владения и во главе моего войска будет принимать поздравления лордов.

Боскозель стоял как пораженный громом. Он чувствовал, что Стюарт не только перехитрил его, но даже пристыдил, так как имел теперь полное основание обвинить его в государственной измене.

– Милорд!

– Маркиз, – продолжал Джеймс, – весьма возможно, что несколько часов тому назад у королевы были другие намерения, но я убежден, что ваша преданность не позволит вам компрометировать Марию Стюарт, а это случилось бы, если бы люди узнали, что она, по совету доброжелательного, но ослепленного чувствами человека, на минуту склонилась в сторону людей, видящих в королеве Шотландии не более как красивую искательницу приключений.

– Милорд!

– Маркиз, всякое дальнейшее объяснение будет лишним. Королева отправляется со мной по графствам своей страны, и где встретятся государственные изменники, их обезглавят. Так как вы состоите в дружбе с графом Арраном, то вам неудобно сопровождать королеву. Она знает, что вас обманули, что сами вы не могли иметь намерения предать Марию Стюарт в руки

Гамильтонов, которые некогда держали в плену в Инч-Магоме ее с матерью, королевой. Этих лордов нужно хорошо узнать, прежде чем протянуть им руку. Итак, с Богом! Маркиз, кто едет с арранцами, тот – враг королевы. Надеюсь, вы останетесь в Эдинбурге... Впрочем, как хотите...

При этих словах он поклонился и вышел из комнаты.

Боскозель задыхался от злобы и стыда. Он не ожидал, что Гамильтоны могут обмануть его, что они – давние враги королевы, он содрогнулся при мысли, что по его вине Мария могла попасть во власть Арранов; но вместе с тем его приводило в отчаяние, что именно Джеймс Стюарт явился ее спасителем, что этот человек снова торжествовал над ним. Боскозель увидел свое бессилие и свой позор. Он хотел ненавидеть этого человека и не мог, так как сознавал, что только тот один мог защитить Марию. Он видел, что враг щадит его, как будто он недостойн даже ненависти.

Но королева должна узнать, что его обманули, у ее ног он хотел вымолить прощение за безрассудное усердие. Пусть отныне ее единственным защитником будет Джеймс Стюарт, но как женщине ей никто не должен быть близок, кроме него.

Боскозель кинулся в королевские покои, прошел мимо стражи и проник в приемную, где его встретила Мария Сэйтон.

Пораженная его расстроенным видом и предчувствуя беду, она воскликнула:

– Что случилось?

– Я желаю видеть королеву! Где она?

– Вы с ума сошли, маркиз? Королева собирается в дорогу и никого не принимает.

– Я должен видеть ее.

Дверь отворилась, и на пороге показалась Мария Стюарт.

– Что здесь такое? – спросила она, краснея от негодования. – Как, маркиз? Вы здесь? Кто позволил вам появляться без доклада?

– Мария! Неужели вы хотите быть в Шотландии строже, чем были во Франции?

– Маркиз, не забывайте, вы говорите с королевой! Я прощаю вам, что в своем усердии вы чуть не привели меня к гибели, но требую, чтобы вы держались в границах, как требую этого от всех. Надеюсь, что по возвращении найду вас более почтительным. До свидания, маркиз!

Боскозель смотрел на нее, не веря своим глазам; ему казалось, что он бредит, но, когда Мария повернулась к нему спиной, он не выдержал и воскликнул:

– Так не может говорить Мария Стюарт, это – слова Джеймса Стюарта, вложенные в ваши уста.

– Молчите! – сказала королева. – Я начну презирать того человека, который заставляет краснеть женщину за ее сердечную снисходительность. Вы недостойны называться мужчиной, маркиз, раз не имеете власти над собой. Уходите!

Мария возвратилась в свою комнату и заперла за собой дверь.

«Я – не мужчина?! – горько усмехнулся про себя Боскозель и словно очнулся. – Я – не мужчина? Я докажу тебе это, ты будешь моей. Я не стану больше вздыхать, молить, пресмыкаться у твоих ног, я не хочу ни сострадания, ни снисхождения, я хочу тебя, тебя или смерти».

Глава пятая

Маркиз Кастеляр

I

Вскоре заговорщики получили известие, что королева намеревается посетить все графские владения в сопровождении графа Марра, лорда Джеймса Стюарта. Босвел и граф Арран сговорились поднять своих вассалов, взять королеву в плен и препроводить ее в замок Дэмбертон. Молодой граф, узнав, что дело идет об открытой войне против королевы, поскакал в Эдинбург, чтобы предупредить Марию. В пылу своего увлечения он мечтал, что она оценит его любовь, ради которой он, не задумываясь, готов был обвинить в государственной измене родного отца.

Он предстал перед королевой в тот момент, когда она готовилась стать во главе войска, и, увидав ее, сразу бросился перед ней на колени и, как безумный, стал признаваться ей в своей любви. Мария гордо отвернулась от него, считая его слова бредом сумасшедшего или пьяного, но он ухватился за край ее платья, прижал его к своим губам и умолял:

– Мария, услышь меня, и я возведу на эшафот родного отца и своих родственников. Ты одна будешь господствовать, царица сердец, и пусть погибнут все, кто не желает покориться твоей власти!

– Граф, удалитесь и проспите! – сказала Мария и, вырвав из его рук край своего платья, обратилась к Боскозелю: – Маркиз, успокойте этого безумца!

Граф прочел в ее лице глубокое презрение – и это ранило его, как отравленная стрела, он вскочил на ноги и воскликнул:

– А, вы презираете меня, потому что любите Боскозеля! Мария Стюарт не подаст руки шотландскому лорду, потому что желает изображать вторую Мессалину, потому что Кастеляр – ее любовник!

Мария остолбенела, бледная и дрожащая, но, увидев, что Боскозель обнажил меч и хочет броситься на графа, приказала ему отступить. Джеймс Стюарт, скрестив руки на груди, молча присутствовал при этой сцене.

– Милорд, – заговорила королева дрожащим голосом, – ваш отец – изменник, и если я до сих пор щажу его, то только потому, что в его жилах течет кровь Стюартов. Вы же идете далее него: вы посягаете на мою честь и, как трусливый негодяй, позорите женщину! Молчите! Ваш голос противен мне, вы недостойны даже наказания, вы просто вызываете жалость, как человек, лишенный здравого ума.

– Ваше величество, – ответил граф, – разве позорно, что я люблю вас и что эта любовь довела меня до безумия и я готов служить вам против собственного отца? Скажите, что я достоин сожаления за то, что люблю любовницу француза.

Боскозель больше не мог сдерживаться, он бросился на графа Аррана и готов был задушить его собственными руками. Но в этот момент тот выхватил кинжал и ударил его. Королева громко вскрикнула и лишилась чувств.

Безумца связали и увели. Когда же королева очнулась от своего обморока и увидела окровавленного Боскозеля, она невольно воскликнула:

– Боскозель, вы ранены?

– Рана незначительна, – ответил француз, сияя от торжества.

– Уйдем отсюда! Мария, подумайте о своей чести! – строго произнес лорд Джеймс.

Королева вздрогнула, по выражению лиц присутствующих и ликующему взгляду Боскозеля она поняла, до какой степени забылась. Краснея и бледнея, Мария растерянно протянула руку Джеймсу Стюарту и дрожащим голосом сказала:

– Пойдемте отсюда! Лорд Джеймс, спасите меня от самой себя!

На другой день королева покинула Голируд во главе отряда, но молва о сумасшествии Аррана и о словах королевы: «Боскозель, вы ранены?» – распространилась с быстротою молнии. Шотландцы пожимали плечами и говорили, что она оставила его, чтобы люди поверили в лживость слов графа Аррана, а это лишь укрепило уверенность шотландцев, что француз наверное любовник их королевы.

II

Мария Стюарт ехала во главе великолепной конницы в ярко-блестящих панцирях; знамена весело развевались по ветру. В своем простодушии она уже забыла про случай в Голируде, радостно вдыхая свежий утренний воздух и весело шутя со своими дамами, красавица-королева мчалась по полям Шотландии, как будто все это принадлежало ей.

Кавалерия Стюарта настигла графа Аррана, и, прежде чем он успел оказать сопротивление, его препроводили в тюрьму св. Андрея. Босвел успел скрыться и бежал в Англию.

Джеймс Стюарт направился против Гордонов, которые также лелеяли мысль низвергнуть его.

Граф Гордон имел намерение женить на королеве своего сына. Когда же он во время какой-то ссоры с лордом Огилви ранил его на улице в Эдинбурге, королева отправила его в крепость Стерлинг. Он воспротивился и, собрав около тысячи всадников, решил дать отпор королеве. Граф Гордон укрепил свои замки и выжидал наступления Марии Стюарт. Она действительно направилась туда во главе небольшой армии, предводительствуемой графом Марром. Комендант замка Инвернес, принадлежащего Гордонам, не впустил ее. Тогда она велела осадить замок, принудила его к сдаче и приказала арестовать коменданта.

Во время этого королевского объезда, бывшего вместе с тем военной экспедицией, Мария выказала редкое присутствие духа и переносила все трудности с большой бодростью. Она скакала верхом по диким местностям, переправлялась через реки, располагалась лагерем в степях и лесах, жалея, что она – не мужчина и не может проводить ночи в поле.

Комендант крепости Инвернес, сопротивлявшийся королеве, был повешен на замковой башне, после чего Мария и ее брат быстрым маршем отправились далее в путь. Джона Гордона заключили в темницу, а затем пустились преследовать старика Гентли. На равнине Конвики отряды встретились; завязалась горячая борьба, из которой королева вышла победительницей. Гентли пал и был измят под лошадиными копытами, его старший сын обезглавлен, а младший по приказанию королевы заключен в темницу впредь до достижения пятнадцатилетнего возраста, после чего его обезглавили на том же эшафоте, где еще оставались следы крови его старшего брата.

Могущество Гамильтонов и Гордонов было сломлено; их имения были конфискованы и переданы Джеймсу Стюарту, графу Марру, который получил звание графа Мюррея и пост канцлера Шотландии, став первым и самым могущественным лордом в стране.

III

В разлуке с Марией Кастеляр воспылал еще большей страстью к ней. Он считал себя любимым и думал, что она так же страстно любит его, но скрывает свое чувство, чтобы отвлечь подозрение шотландцев. Наконец Мария возвратилась, и достаточно было одного ее благосклонного взгляда, чтобы маркиз истолковал его как проявление любви и призыв к счастью.

Вскоре разнесся слух: ведутся переговоры, лорд Джеймс – граф Мюррей – подготавливает свидание двух королей, и Елизавета уже наметила человека, которого хочет предложить Марии в супруги.

Однажды на маленьком празднике, устроенном королевой, Кастеляр вручил ей стихотворение на французском языке, в котором в поэтической форме изложил весь пыл своей любви. Мария была счастлива, что ей удалось в Голируде устроить маскарад, напомнивший о том, как проводили время во Франции. Королева и Боскозель, замаскированные до неузнаваемости, двигались в пестрой толпе танцующих, сами принимали участие в танцах, а в антрактах слушали пение четырех трубадуров. Трех из этих трубадуров Мария вывезла из Парижа, а четвертый был итальянцем с чудными глазами и красивым, звучным голосом. Его звали Давид Риччио. Бывший камердинер савойского посланника Моретта, он пользовался благосклонностью Кастеляра за свою скромность и поэтическое дарование. После пения снова начались танцы, королева танцевала много и была весела и шаловлива, как в счастливые дни своей юности.

После танцев она вышла в сад, чтобы освежиться. Кастеляр последовал за ней. Они незаметно спустились во двор, а оттуда – в парк, заканчивающийся холмом, так называемой беседкой Артура. Королева села на одну из скамеек и, сняв маску, задумалась. О чем? Быть может, о прекрасной Франции, где прошла ее юность в счастье и любви? А может, она мечтала о прошлом и боялась за свое будущее?

Боскозель опустился к ее ногам, взял ее руки и стал покрывать их горячими поцелуями.

Мария заплакала.

– Ах, как бедно мое сердце! – вздохнула она.

Боскозель воскликнул в восторге:

– Мария, разве ты – не королева? Кто может помешать тебе быть счастливой так, как желает твое сердце и как только может смертный осчастливить женщину? Будь моей, и я готов каждую твою слезинку осушить поцелуями.

Мария вздрогнула, вырвалась и убежала, как испуганная лань. Маркиз бросился вслед за ней, но она скрылась во тьме.

«Ты дрожишь, ты колеблешься? – шептал он. – Беги, но ты не уйдешь от меня! Я заставлю тебя произнести робкое признание. Ты любишь и не в состоянии оттолкнуть меня! Вперед! Смелым принадлежит мир!»

IV

Два часа спустя в парадных залах Голируда погасли огни, гости разошлись, и настала тишина.

Королева оперлась на руку Марии Сэйтон. Холодная дрожь пробегала по ее членам, она думала о безумном Арране, который преследовал ее своею страстью и назвал ее любовницей Боскозеля.

– Что с вами? – озабоченно прошептала Мария Сэйтон. – Вы дрожите, быть может, вы больны?

– Да, я болею так же, как и ты, Мария! – пробормотала королева и залилась слезами. – Там, где я ищу дружбу, я нахожу пылкую страсть, а где ищу доверия, встречаю грубый обман. Ты тоже любила, но твой избранник не понял твоего сердца; мой любимый супруг умер, и меня не понимают мои друзья!

– Королева, вы несправедливы к себе, ко мне и всем, кто искренне предан вам, – возразила Мария Сэйтон.

И в эту минуту в комнату вошла Филли. Все уже знали, что Филли – девушка, и Мария Сэйтон взяла несчастную к себе в услужение. Лицо Филли было расстроено, и она жестами стала объяснять, что королеве грозит опасность.

– Откуда опасность? – спросила изумленная Мария Сэйтон. – Неужели протестанты грозят снова воспрепятствовать нашему богослужению?

Филли покачала головой и указала на сердце.

– Кастеляр? – воскликнула Мария Стюарт. – Чего хочет этот несчастный?

Филли поползла вдоль стены, показывая, как украдкой можно пробраться в дом.

– Он хочет похитить меня? – спросила королева.

Филли покачала головой, и в этот момент залаяла собачка, любимица королевы, и стала царапаться в двери спальни.

Мария Сэйтон открыла дверь, собачка бросилась к постели королевы; когда полог подняли, оказалось, что там, спрятавшись, лежал Кастеляр.

– Боскозель! – воскликнула королева, бледнея от негодования. – Безумец, вы ищете моей гибели?

– Я не хочу твоей гибели, но ты должна стать моей перед Богом и людьми. Скажи, что ты не любишь меня, – и твое сердце возмутится против этой лжи; прикажи убить меня – и ты будешь оплакивать меня!

– Назад! – крикнула Мария Стюарт, когда он протянул к ней руки. – О, Боже, чем заслужила я такой позор, такой стыд?

– Ты плачешь, Мария? Неужели ты стыдишься своей любви?

– Молчите! Если я когда-нибудь дала вам повод на такую безумную мысль, то я жестоко наказана за это. Любить вас? Вам известно, что мое сердце всецело принадлежит моему бывшему мужу, который покоится в могиле. Ваша любовь – позор, ваша дружба – предательство. Вон отсюда! Я презираю, я ненавижу вас!..

Боскозель побледнел, прочитав на лице королевы свой приговор.

– И меня ты гонишь так же, как Аррана! – мрачно пробормотал он. – Ты – кокетка, ты торжествуешь и глумишься, погубив человека, доверившегося твоей лживой улыбке! Ты лжешь! Ты не любишь покойного, как не любишь никого. У тебя нет сердца, ты – змея, которая соблазняет, а потом жалит! Но я не позволю издеваться над собой, ты будешь моей, чего бы это ни стоило мне, даже если бы мне пришлось продать душу дьяволу!

Мария Сэйтон оттолкнула его и пригрозила позвать слуг. Королева упала в обморок, ее сердце заныло от брошенного ей в лицо безобразного оскорбления.

Кастеляр стремительно выбежал.

– Злосчастный! – пробормотала королева, очнувшись в руках Филли и видя, как Мария Сэйтон закрывала двери на задвижку. – И это – мои друзья!.. Они отдают мою честь на поругание кальвинистам! О, Джон Нокс имеет право кричать: «Она – Иезавель; побейте ее камнями!» Но Боскозель заплатит мне за это своей жизнью, он должен умереть или перед лордами и парламентом доказать, что я хотя бы единым словом дала ему повод к такой дерзости.

– Успокойтесь! – прошептала Мария Сэйтон, вся дрожа. – Он – безумец и теперь уже сожалеет о том, что сделал в пылу возбуждения. Говорите тише, чтобы придворные дамы не услышали вас.

– А, значит, моя честь должна зависеть от деликатного молчания моих слуг? – сказала королева, горько улыбаясь. – Я принуждена бояться каждого звука, который мог бы выдать мой неслыханный позор?!

– Ваше величество, в передней нет никого, кроме леди Мортон, она же будет молчать так же, как и я, ведь ваша честь нам дороже жизни. Филли нема и предана нам. Пошлите маркиза в изгнание, покарайте его своим презрением, но не требуйте скандального процесса.

– И это советуешь мне ты, Мария Сэйтон?! Я должна примириться с тем, чего не снесет ни одна женщина; тайну моего позора я должна разделить с этим презренным человеком как его соучастница? Мария, он молился вместе со мной у гроба моего супруга, он был свидетелем моего горя, и он же считает меня развратной женщиной!..

– Ваше величество! Ради вашей прежней дружбы к нему вы не должны возбуждать процесс. Вы были слишком снисходительны к нему, чтобы теперь судить его как совершенно постороннего вам человека. Будь это не Кастеляр, а кто-нибудь другой, я позвонила бы и позвала бы ваших телохранителей. Но я знаю, что вы не в состоянии предать его смертной казни. Поэтому лучше, чтобы он бежал, наказанный вашим презрением.

– Мария, ты говоришь, что я не могла бы казнить его? О, я почувствую в этом деле наслаждение! Его кровь смоем последние воспоминания моей юности... Впрочем, нет, нет, пусть он бежит, я отомщу ему другим способом. Пусть он увидит, как я изберу себе супруга, как я смеюсь над ним, как презираю его. Завтра я поговорю с английским послом. Мне дали понять, что необходимо иметь покровителя. Боскозель – единственный человек, способствовавший тому, что я свято хранила память об умершем, – доказал мне, как уважают неутешную вдову. Я изберу себе человека, который разделит со мною королевскую власть, но им не будет ни один из тех, кто был некогда дорог моему сердцу и кто пренебрег моими душевными страданиями.

Королева ходила взад и вперед по комнате в крайне возбужденном состоянии.

Внизу, в одной из гостиных комнат, сидел граф Мюррей. В то время как Мария Сэйтон старалась успокоить королеву, к нему вошел стрелок.

– Опять ты здесь? Черт возьми, отчего ты не на своем посту? – спросил Мюррей недовольным тоном.

– Милорд, маркиз возвратился в свою комнату! Я притворился спящим, как вы приказали. Маркиз явился, тихо отворил решетчатую дверцу и поспешил по лестнице к потайному ходу, ведущему в спальню королевы. Я последовал за ним и держал стрелков наготове, чтобы по первому зову на помощь броситься туда и вонзить французу кинжал в грудь. Но собачка королевы выдала француза.

– Что сделала королева? Она не позвала на помощь?

– Нет, милорд. Ее величество прогнала маркиза; я слышал громкий, резкий разговор, после которого распахнулась боковая дверь на галерею, и маркиз стремительно вышел; леди Сэйтон заперла за ним двери.

– Хорошо! Можешь идти! – сказал Мюррей. – Что она предпримет? – пробормотал он, беспокойно шагая по комнате. – Неужели этот человек все еще опасен. Вот благоприятный момент избавиться от него, и ты не воспользуешься им, Мария? Твой зов о помощи спас бы твою честь. Что же ты думаешь делать? Предать его суду или, быть может, с позором изгнать его? Но, быть может, завтра ты уже раскаешься в своем решении, как сегодня побоялась пролить его кровь. Или, быть может, ты хочешь наказать его презрением! Это была бы чисто женская месть, а только кто поручится тогда за твое сердце? Нужно покончить с этим. Если ты не можешь справиться с ним, то я помогу тебе. Арестовать его? Нет, бесполезно, властным словом Марии он был бы освобожден, и тогда окончательно погибло бы ее доброе имя. Умертвить его? Но тогда она будет оплакивать его. Нет, он сам должен погубить себя.

V

На другое утро, когда королева появилась среди своих придворных, Мюррей был более чем когда-либо вежлив и предупредителен с Кастеляром и внимательно следил за выражением лица королевы, когда она вошла в зал и взглянула на Боскозеля.

Мария была бледна. В тот момент, когда она увидела Боскозеля рядом с Стюартом, на ее устах появилась злобная улыбка. Она подошла к графу Мюррею и на его глубокий поклон ответила горделивой усмешкой, а Боскозеля не удостоила ни единым взглядом.

– Любезный лорд Джеймс, – сказала она, – я склонна выслушать предложения английского посла и стремлюсь примириться с моей сестрой Елизаветой. Я чувствую необходимость жить в дружбе с королевой Англии, и если она не требует ничего более, кроме того, чтобы

я только пожертвовала своей связью с Францией, то я охотно уступлю ей. Франция слишком часто обманывала Шотландию, чтобы я считалась с ней ради моих чувств к одному человеку, который покоится во французской земле. Пришлите ко мне в кабинет лорда Рандольфа!

Затем она милостиво отпустила Джеймса Стюарта, прошла мимо Боскозеля как мимо безжизненного изваяния, на которое он действительно походил в своей смертельной бледности, а затем милостиво поклонилась каждому из присутствовавших. Всеми было замечено, что Кастеляра, которому королева всегда оказывала предпочтение, на этот раз она не удостоила ни единым взглядом и что, по окончании аудиенции, маркиз поплелся как человек, потерявший рассудок.

Кастеляр готов был выдержать гневный взгляд королевы и даже рассчитывал вызвать его своим появлением. «Пусть она убьет меня, если не хочет внять моим мольбам!» – эта мысль засела у него в мозгу, когда он ночью вернулся в свою комнату, уничтоженный стыдом и бешеным отчаянием. Но такое ледяное презрение королевы, которое он увидел теперь, готово было свести его с ума.

«Она гонит меня, как лакея? Неужели я даже недостоин ее ненависти? – с отчаянием подумал он. – В таком случае она только шутила со мной, а я, глупец, не понял этого и не воспользовался вовремя, вместо того, чтобы вздохнуть у ее ног! Она не присуждает меня к изгнанию! Не желает ли она, чтобы я танцевал на ее свадьбе! Быть может, она рассчитывает показать своему супругу дурака, который годами изнывал, ловя ее улыбку, а она кокетничала и играла с ним как с куклой!»

Все кипело в нем, он готов был разmozжить свою голову о холодный мрамор.

Вошел слуга и подал ему завтрак.

– Господин маркиз! – шепнул хитрый француз, принимая таинственное выражение лица.

– Что тебе?

– Господин маркиз, пока я доставал вино из погреба, на табурет, под чан, было положено письмо.

– Кем?

– В комнате никого не было, когда я вернулся. Но письмо адресовано вам.

Боскозель быстро схватил записку. Это был тонкий сверток, запечатанный воском, оттиск печати был сделан слабо, с очевидною целью, чтобы герб не был узнан. Почерк, по-видимому, был подделан.

«Смелость, – так гласили строки на французском языке, – оскорбляет, когда она не соединяется с осторожностью. Нескромная любовь отвергается вдвойне, если тайная не умеет найти пути к достижению цели. Неудавшаяся попытка отнимает мужество надеяться на более счастливый результат и заставляет пострадавшего прийти к решениям, быть может, не соответствующим его сердечному влечению. Настоящий кавалер не должен бы предпринимать ничего без уверенности победить или пасть. Сожгите эту записку! Она написана лицом, которое видело, как плакали прекрасные глаза».

При чтении этой записки кровь кипела в жилах Боскозеля, лоб горел, а сердце бешено билось в груди.

«Она любит меня! Это пишет доверенное лицо, которое видело, как она плакала! – думал он. – О, как я глуп в своем отчаянии!.. Разве она не должна была притворяться перед Сэйтон, Филли и всеми? Она не осмеливается протянуть мне руку, но ее сердце принадлежит мне; она страдает, а я, несчастный, не решаюсь рискнуть своей жизнью, чтобы прижать ее к своей груди, и мой ум не находит причину, чтобы я мог встретиться с ней наедине?!»

Час спустя Кастеляр, которого еще недавно на аудиенции видели замкнутым, мрачным и убитым, прошел мимо придворных с гордо поднятой головой, приказал оседлать себе лошадь и вскачь понесся из ворот дворца.

VI

На следующую неделю предполагалась соколиная охота, которая должна была состояться в графстве Файф. Весь двор занялся приготовлениями, желая показаться во всем своем блеске: лорды выписали своих сокольничих, пажи щеголяли новыми костюмами, из соседних замков были приведены самые породистые кони, каждый хотел выказать свое величие, своей роскошью затмить другого. Кастеляр единственный, казалось, не думал готовиться к охоте; каждый день во время аудиенции, при каждой встрече с Марией Стюарт его видели мрачным, молчаливым, словно страшное несчастье тяготело над ним, а Мария не удостоивала его ни словом, ни взглядом. Каждый догадывался о какой-то вине с его стороны, которую он должен был искупить смиренным раскаянием.

День охоты наступил, это было 14 февраля 1563 года. В замке Голируд весело зазвучали охотничьи рога, площадь перед дворцом наполнилась придворными лакеями и пажами в великолепных костюмах; породистые, разукрашенные золотом и бархатом кони нетерпеливо били землю копытами. Наконец появилась королева, окруженная своими дамами и придворной знатью, среди которой находились: граф Мюррей, Черный Дуглас, епископ русский, английский посол лорд Рандольф и много других благородных и родовитых рыцарей; не доставало только Кастеляра. Он стоял у окна, за шелковой драпировкой, и, весь бледный, следил за королевой.

Блестящий поезд покинул дворец. Охота должна была продолжаться три дня, поэтому вслед за двором последовала королевская кухня, весь обоз с винами, буфетчиками, поварами, егерями, пажами и сворами собак. Резкие звуки рогов затихли, в замке Голируд водворилась тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.